ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 80 (2463) Среда, 6 октября 1948 г. Цена 40 коп.

Журналы и современность

Быть современником великой эпохи — трудная и благородная задача советских журналов.

«Уровень требований и вкусов нашего народа поднялся очень высоко, и тот, кто не хочет или неспособен подняться до этого уровня, будет оставлен позади. Литература призвана не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа, но более того, — она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед. Тот, кто неспособен идти в ногу с народом, удовлетворить его возросшие требования, быть на уровне задач развития советской культуры, неизбежно выйдет в тираж», — говорил товарищ А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Советские журналы должны быть проникнуты чувством современности. Это — важнейшее условие их необходимости народу. И если журналы, на которых стоит «1948», не содержат ведущих черт нашего времени, если не узнаем мы в них характера советского человека — борца за выполнение послевоенной сталинской пятилетки,—такие журналы неизбежно будут отставать от своего читателя.

Увидеть в нашей действительности ее главные, наиболее существенные для нынешнего момента черты, поддержать все самое передовое, новаторское — в этом задача редакций журналов.

Подлинным, горячим духом современности должны отличаться наши журналы. Белинский говорил: «Вы хотите издавать журнал с тем, чтобы делать пользу своему отечеству, так узнайте ж прежде всего его главные, настоящие, текущие потребности».

Роман Василия Ажаева «Далеко от Москвы», опубликованный в журнале «Новый мир», рассказывает о строительстве нефтепровода на Дальнем Востоке в 1941—1942 году. Но какой жгучей злободневностью, — в глубоком смысле этого слова, — отличается это произведение, как стремительно ворвалось оно в жизнь и в литературу, сколько важнейших проблем решает писатель в душе передовых людей нашего времени! Великая тема созидания захватывающе раскрывается на страницах романа. Талантливое, увлекательное решение находит в произведении проблема руководства людьми, воспитания коллектива. Подлинной поэзией коммунистического воспитания овеяно это произведение. Привлекает высокая идейность, ясность, чистота моральных устремлений, в которой живут герои Ажаева. Опубликование романа В. Ажаева—большое достижение журнала «Новый мир».

За девятью перевалами и многочисленными горными реками находится далекое абхазское село Сакен, о котором рассказал Г. Гулиа в своей повести «Весна в Сакене» («Новый мир»). Но нерасторжимыми нитями связано это село с современностью, с движением к коммунизму.

Направляющую руку редакции мы ясно ощущаем в журнале «Новый мир». Чувствуется, что редакция ищет новые интересные формы для более точного и яркого раскрытия особенностей нашего времени. Интересны и содержательны «Заметки инженера» Л. Подвойского и «Заметки хозяйственника» П. Камышева. В них редакция стремится дать новое развитие жанру записок бывалых людей. Эти материалы представляют собою умный, увлекательный рассказ передовых людей советской индустрии о своей работе, свидетельство о государственном мышлении советского человека, о его смелом, уверенном, радостном труде на благо нашего социалистического общества. Здесь правдиво раскрывается характер нашего современника — труженика послевоенной сталинской пятилетки. Заметки подобного рода нужно всячески развивать и поддерживать. Наша сегодняшняя жизнь с ее каждодневными подвигами труда и новаторства дает богатейший материал для них.

Стремление к живой связи с современностью свойственно и журналу «Октябрь». Наш читатель благодарен редакции «Октября» за то, что она познакомила общественность с романом С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», с его главным героем Сергеем Тутариновым — передовым человеком нашего времени, новатором колхозной деревни. Журнал старается выдвинуть новых молодых писателей, связанных с актуальнейшими проблемами наших дней; печатающийся в настоящее время в «Октябре» роман Е. Мальцева «От всего сердца» посвящен событиям современной советской деревни; чрезвычайно интересны записки П. Ангелиной «Люди колхозных полей», содержателен очерк И. Ирошниковой «Надя Егорова и ее друзья».

Но не все наши журналы правильно понимают свои задачи. Не может не вызвать тревогу положение дел в журнале «Знамя». В номерах журнала 1948 года полностью отсутствуют приметы времени. Раньше журнал был чуток к передовому, новаторскому в жизни и в литературе; он опубликовал роман П. Павленко «Счастье», произведения В. Пановой «Спутники», «Кружилиха» и другие выдающиеся книги нашей литературы.

Однако 1948 год охарактеризовался провалом журнала. Направление его резко изменилось, журнал приобрел нездоровый, эстетский характер.

«В советской литературе не может быть места гнилым, пустым, безыдейным и пошлым произведениям», — говорил А. А. Жданов.

Забыв важнейшие указания партии, сформулированные в постановлении ЦК ВКП(б) и докладе товарища А. А. Жданова, «Знамя» выбирает для опубликования произведения с гнильцой, с плесенью, далекие и чуждые нашему народу. Журнал не интересуется ведущими, передовыми чертами действительности, новыми коммунистическими качествами характера и поведения героя нашего времени. Глядя на советского человека откуда-то сзади, журнал не ищет нового в его характере, а с болезненным любопытством копается в самом отсталом и старом.

В повести Э. Казакевича «Двое в степи» центральный герой—военный преступник, погубивший целую дивизию, осужденный судом Военного трибунала. Все усилия автор тратит на то, чтобы вызвать сочувствие к этому, с позволения сказать, герою, доказать случайность его преступления. Автор оправдывает трусость, малодушие. В гнилой повести Н. Мельникова «Редакция»—почти аналогичная картина. Единственным подлинным героем в ней оказывается человек, разжалованный за свое преступление. Он окружен романтическим ореолом страдальчества и загадочности.

Сегодня в нашей газете публикуются письма офицеров Советской Армии, Героя Советского Союза Д. Зюзина и майора Е. Дырина, выражающих справедливое возмущение повестью Б. Колоколова «На лесных аэродромах» («Знамя» № 8). В этой повести, вопреки жизненной правде, советские летчики представлены отсталыми, суеверными, невежественными людьми.

Журнал «Знамя» отказался, по существу, от основополагающих принципов социалистического реализма. Он отказался от изображения передового, творческого, проникнутого высокой партийностью, живым ощущением современности, отбора и обобщения фактов жизни. Подбором произведений, опубликованных в 1948 году, журнал декларирует натурализм, интерес к патологическим, болезненным сторонам в духе «достоевщины».

Только решительная, коренная перестройка всей работы сможет снова сделать журнал «Знамя» нужным народу.

Современность слабо проникает в отделы критики наших журналов. Даже в наиболее передовом из них—в «Новом мире», уже много номеров подряд ведется дискуссия о состоянии нашей критики, которая, несмотря на отдельные верные и интересные положения, в целом носит слишком замкнутый, узко-профессиональный характер, мало связанный с требованиями нашей действительности.

Союз советских писателей плохо руководит своими журналами. Работу журнала «Знамя» секретариат ССП обсудил впервые только после опубликования статьи о журнале в газете «Культура и жизнь».

Боевой дух современности должен определить характер и направление литературно-художественных журналов. Маяковский зло высмеивал тех, кто пытался растить «бумажные розы в журнальных оранжереях». Он хотел, чтоб были

вложены
в страницы-обоймы
строки
пороха и свинца.

Нерасторжимая, горячая связь с временем должна определять лицо наших журналов—кровная связь с решающими темами пятилетки, с вдохновенным трудом советских людей, победоносно идущих к коммунизму под руководством партии Ленина—Сталина.

НЕДЕЛЯ САДА

В центральных, северных и восточных районах Российской Федерации 3 октября началась «Неделя сада».

— Такие «недели», — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» министр сельского хозяйства РСФСР тов. А. Максимов, — стали у нас традицией. В эти осенние дни по всей Российской Федерации идут массовые работы в садах и питомниках, закладка новых садов и ягодников в колхозах, совхозах, подсобных хозяйствах, при школах, больницах, на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих, а также посадка деревьев и декоративных кустарников на дорогах и улицах. Для руководства массовыми мероприятиями и пропаганды мичуринской науки при местных Советах депутатов трудящихся созданы специальные комиссии. Мичуринцы—работники опытных станций и институтов, садоводы-опытники читают населению лекции. Из государственных и колхозных питомников в районы завозится посадочный материал. Большим успехом пользуются районные и областные выставки плодов, ягод, посадочного материала и садового инструмента, организованные в Чувашской АССР, Ленинградской, Горьковской, Брянской, Ярославской и других областях.

— Великий преобразователь природы И. В. Мичурин и его последователи, — сказал далее тов. Максимов, — создали около 700 новых плодово-ягодных растений. После длительных испытаний в различных климатических условиях нашей Родины ныне утвержден стандарт самых лучших, высокоурожайных и морозостойких сортов. В этот стандарт вошло свыше двухсот видов яблони, груши, сливы, вишни, черешни, смородины советской селекции; в том числе — 50 ценных сортов плодово-ягодных растений, выведенных лично Мичуриным.

Работы Мичурина и его последователей позволили продвинуть садоводство далеко на север. В Свердловской области, где совсем недавно было всего лишь 29 гектаров садов, сейчас ими заняты четыре с половиной тысячи гектаров. В Западной и Восточной Сибири, где фруктовые деревья насчитывались единицами, теперь их посадки занимают восемь с лишним тысяч гектаров. Фруктовые сады закладываются на Игарке и под Мурманском. Почти все колхозники Минусинского района Красноярского края обзавелись своими садами.

Благодаря упорному труду советских селекционеров и садоводов-опытников такие культуры, как виноград, растут под Москвой, абрикосы—в Мичуринске и Воронеже, черешня—в Ленинграде. Появились совхозные и колхозные сады-гиганты. На много километров тянется, например, яблоневый сад совхоза им. Горького в Краснодарском крае. А всего в Советском Союзе имеется уже полтора миллиона гектаров садов, в то время как в царской России их было только 665 тысяч гектаров.

После войны миллионы колхозников заложили свои сады на приусадебных участках; рабочие, служащие, подсобные хозяйства предприятий, школы, больницы приобрели пять миллионов саженцев.

С мест поступают сообщения, что «Неделя сада» проходит с большим успехом.

В течение этой «недели» будет завершен годовой план посадок — заложено 25 тысяч гектаров новых садов, ягодников и виноградников.

Колхозник-ученый

Иван ВИННИЧЕНКО
Специальный корреспондент «Литературной газеты»

17 января 1941 года в Народном комиссариате земледелия состоялось не совсем обычное заседание. Коллегия Наркомзема заслушала два отчетных доклада: о работе Челябинской селекционной станции и о работе полевода-опытника колхоза «Заветы Ленина», Шадринского района, Челябинской (ныне Курганской) области, Терентия Семеновича Мальцева. Коллегия установила, что в сравнении с плодотворной научно-исследовательской деятельностью колхозника Мальцева многолетний труд коллектива научных работников Челябинской селекционной станции не выдерживает ни малейшей критики, — он был совершенно бесплодным.

На заседании присутствовал академик Т. Д. Лысенко. Анализируя причины столь странного и малоправдоподобного явления, он пришел к выводу, что неудачи Челябинской селекционной станции об'ясняются, главным образом, оторванностью этого научно-исследовательского учреждения от практических задач сельского хозяйства. Блестящие же успехи колхозника Мальцева об'ясняются не только исключительной талантливостью его, но также и тем, что каждую свою задачу он выводит из насущных потребностей колхоза и каждое решение задачи немедленно проверяет колхозной практикой.

Творческий путь

Ему 53 года. Но поговорите с ним на одну из его любимых тем — о насущных задачах колхозного Зауралья, о заблуждениях формальных генетиков, о мичуринском направлении в биологии или же о воспитании молодежи, и вы забудете, что ему уже полвека.

Школьного образования у него нет. Но затроньте в разговоре с ним научную, философскую или же литературную тему, и перед вами предстанет культурный и образованный человек с широким политическим кругозором...

Зайдем в его кабинет. На книжных полках собрано свыше двух тысяч томов. Здесь и специальная агротехническая литература, и Дарвин, и Вильямс, и Тимирязев, здесь и классики марксизма-ленинизма, и Чернышевский, и Толстой, и Шекспир, и Горький, и современная художественная литература. В книгах многочисленные закладки, пометки, подчеркнутые страницы—следы углубленной работы.

Терентий Семенович Мальцев — автор многочисленных статей в газетах и специальных агрономических журналах, участник научных с'ездов, районных, областных и даже правительственных совещаний по вопросам сельского хозяйства.

В 1941 году он получил Большую золотую медаль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В 1942 году за выдающиеся успехи в колхозном производстве был награжден орденом Ленина. В 1946 году за блестящие достижения в опытной и исследовательской работе был удостоен Сталинской премии. В том же 1946 году народ избрал его депутатом Верховного Совета СССР. И, наконец, в декабре 1947 года его кандидатура была выставлена в члены-корреспонденты Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Он продолжает жить и работать в своем родном колхозе, занимая скромную должность полевода...

Опытами и исследованиями Терентий Семенович увлекся давно, еще будучи малограмотным парнем.

Вступление в колхоз окрылило Мальцева. С первых же дней его избирают полеводом. Масштабы расширяются...

С расширением масштабов расширялся и кругозор. Испытывая и размножая пшеницу «пезиум 0111» в условиях колхоза, Мальцев не мог не заметить, что наряду с очень ценными качествами этого сорта он имеет и крупные недостатки: плохо переносит обычную для Зауралья июньскую засуху; в период июльских дождей часто полегает; иногда, застигнутый ранними заморозками, не успевает вызревать... Терентий Семенович начинает испытывать другие сорта пшеницы, но и они не удовлетворяют его.

И вот у молодого исследователя возникает идея: самостоятельно вывести такой сорт, который в сложных условиях изменчивого климата давал бы неизменно высокие и устойчивые урожаи. Вначале этот сорт должен вести себя как позднеспелый, а потом как скороспелый. Кроме того, он должен быть засухоустойчив, морозоустойчив, неполегаем и неосыпаем.

В своей селекционной работе Мальцев применил передовые методы академика Лысенко: внутрисортовое скрещивание, перекрестное опыление, яровизацию.

Это был кропотливый труд, требовавший огромной воли, настойчивости, терпения... Нужно было преодолеть и отсутствие опыта, и недостаточность теоретических знаний, и косность некоторых колхозников, и собственные неудачи и разочарования...

Почувствовав, что размах работы превышает его знания, Мальцев погружается в изучение трудов Дарвина, Тимирязева, Мичурина. В 1935 году он отправляется к Мичурину и проводит у знаменитого преобразователя природы неделю. В том же 1935 году он добивается научной командировки в Тимирязевскую академию и знакомится с академиком Вильямсом и его учением. Наряду с этим он настойчиво изучает марксистско-ленинскую теорию.

— Я стараюсь осилить диалектический материализм, — говорит Мальцев, — как основной и центральный путь к истинному познанию жизни и законов ее развития.

На протяжении ряда лет Мальцев улучшил позднеспелую пшеницу—«мильтурум 0321» и скороспелую — «лютесценс 0956», которые заменяют задуманный им сорт. Ежегодно до 10 тысяч центнеров чистосортной пшеницы «мильтурум 0321» и «лютесценс 0956» сдает государству колхоз «Заветы Ленина».

В 1935 году на II Всесоюзном с'езде колхозников-ударников Терентий Семенович Мальцев впервые встретился с Трофимом Денисовичем Лысенко. Так возникла замечательная дружба колхозного полевода с виднейшим советским ученым.

На одной из своих фотографий, подаренных Мальцеву, Лысенко написал:

«Вы настоящий мыслитель-биолог. Много вы сделали для практики, еще больше сделаете для теории сельскохозяйственной науки».

«Через опыт в науку»

Под таким заголовком в 1937 году была напечатана первая научная статья Мальцева. Вот отрывки из этой статьи:

«... Я часто теперь задаю себе вопрос. Что было бы с генетикой и генетиками, если бы их не тревожили такие люди, как Т. Д. Лысенко. Нашли ли бы генетики выход из того тупика, в который их завела гипотеза неизменности гена. Хотя я, повторяю, еще мало искушен в генетике, но все же понял, что не может быть никакого наследственного вещества, независимого от сомы. Ведь первые делящиеся клетки мы иначе и не можем называть, как клетками соматическими. Всем же известно, что половые клетки образуются уже позднее из этих первичных клеток, и я никак не могу понять генетиков, которые считают, что половые клетки живут только «на квартире у сомы», не перенимая никаких «нравов» и «навыков» у их хозяев — соматических тканей. Ведь всякий скажет, что так мыслить — абсурдно».

«... Я бы хотел узнать от генетиков, каким же образом у Ивана Владимировича Мичурина в его саду ген оказался непрочным? Чем это он его сумел раздобрить или, по крайней мере, сделать эластичным, буквально ручным? Никто никогда из генетиков не попытался по-настоящему дать научное об'яснение тому, что это за «чудесная» сила руководила знаменитым стариком. А ведь факт, что Мичурин оставил нам в наследство сотни новых растений».

Трудно поверить, что все эти мысли принадлежат не профессору генетики, не специалисту-биологу, а простому колхознику-опытнику, и что они были высказаны не сейчас, после августовской сессии Академии сельскохозяйственных наук, когда всем уже ясны принципиальные ошибки генетиков-вейсманистов, а еще в 1937 году — 11 лет тому назад.

В самом деле, ну как мог этот здравомыслящий, умудренный опытом колхозник серьезно поверить в метафизические рассуждения современных вейсманистов о неизменности гена, если он сам, своими собственными глазами видел в саду у Мичурина сотни новых, искусственно созданных видов растения, если он сам, своими собственными руками создавал в своем колхозе новые сорта пшеницы! Ведь для него сложные вопросы наследственности— это не только теория, это его жизнь, его повседневная колхозная практика.

Единство теории и практики

Являясь активным последователем учения Мичурина о развитии растений, Мальцев не забывает и о другом выдающемся учении в нашей агробиологической науке — учении академика Вильямса об условиях повышения плодородия почвы.

По Вильямсу «основной закон сельскохозяйственного производства — это закон равнозначимости всех его элементов». Поэтому, наряду с внедрением новых высокопроизводительных сортов культурных растений, Мальцев вводит в своем колхозе правильные севообороты, применяет комплекс агротехнических мероприятий, обеспечивающих повышение урожайности. Он разводит сад, пчельник, организует подсобные предприятия, много уделяет внимания животноводству.

Все это сказалось на общем благосостоянии колхоза.

Вместе с тем осуществление в условиях Зауралья ряда испытанных и узаконенных наукой агротехнических приемов встретило огромные трудности: например, ранние и сверхранние посевы яровых не только не повышали, а, наоборот, снижали урожай; поздние же посевы зачастую не успевали вызревать.

Мальцев тщательно изучает все особенности зауральского климата, составляет почвенные карты, беседует со стариками, добывает сведения о прошлом здешнего земледелия и приходит к мысли, что в здешних местах яровую пшеницу по черному пару нужно сеять как можно позже, чтобы успеть к этому времени «спровоцировать» всходы сорняков и уничтожить их путем культивации, а также затем, чтобы в первый период вегетации пшеница могла использовать обильные июльские дожди. При этом, чтобы обеспечить равномерное вызревание пшеницы в нужные сроки, он рекомендует: в первые дни высевать позднеспелый сорт «мильтурум 0321», а в конце сева — скороспелый сорт «лютесценс 0956».

Новые горизонты

Много энергии колхозник-новатор тратит на преодоление рутины в головах некоторых районных «фетишистов шаблона».

Еще в 1937 году, выступая на Всеукраинском совещании колхозников-опытников, Мальцев рассказывал:

— Беда в том, что наши районные организации шаблонно подходят ко всем колхозам района... Наши соседние колхозы, имеющие поля с южным склоном к реке Исети и притом с некоторым содержанием в почве песка, всегда имеют возможность много раньше нашего начинать полевые работы... Но раз соседи начали сеять, значит, по мнению районных организаций, и мы должны сеять. Получается же, что соседи сеют в почву созревшую, а мы, гоняясь за ними, сеем в грязь, деформируя почву.

Такой же спор возник и в этом году в отношении посева яровых. Несмотря на эти затруднения, творчество ученого не прекращается.

Большой хозяйственный и теоретический интерес представляет одна из тем, над которой работает сейчас Мальцев.

В колхозе «Заветы Ленина» около 40 процентов земельной площади — солонцы и солончаки. В Зауралье такой земли миллионы гектаров. Она используется большей частью под пастбища. Что же сделать, чтобы на ней росла пшеница?

— Наука работает, главным образом, над рассолением почв,—рассуждает Мальцев. — Но это дело трудоемкое, дорогостоящее. Не проще ли переделать самое растение, приспособив его к солонцам? Растение переделать легче, чем миллионы гектаров земли.

Еще до войны Терентий Семенович проводил интересные лабораторные опыты, воздействуя на пшеницу соляными растворами на разных стадиях ее развития. Растения со «сдвинутой» наследственной основой в сторону солевыносливости он переносил в условия естественных солонцов и солончаков. Сейчас он намерен продолжить эти опыты, применяя еще и «расшатывание» наследственной основы путем яровизации, а также путем скрещивания пшеницы с различными солевыносливыми сорняковыми злаками.

Колхоз «Заветы Ленина» заслуженно считается самым лучшим в районе. Мальцев стремится сделать его не только передовым в хозяйственном отношении, но и самым культурным по приемам и способам земледелия — подлинным научным центром колхозного Зауралья.

* * *

Колхозник-ученый — это понятие уже сегодня об'единяет десятки тысяч людей в нашей стране. И в то же время это понятие как будто из завтрашнего коммунистического дня. Вглядитесь в работу многочисленных колхозников-опытников! Вот знаменитый Ефремов, которого знает вся страна; вот выдающийся киевский опытник Скуцкий из колхоза имени Ильича, вот ставропольский исследователь Бодовский из колхоза имени Тельмана, вот рязанский сортоиспытатель Фролкин из колхоза «Животновод»... Не напоминает ли их деятельность работу Мальцева? А тысячи Героев Социалистического Труда!

Так постепенно стираются грани между городом и деревней, так привычный образ полуграмотного крестьянина вытесняется новым замечательным образом колхозника-интеллигента.

Село МАЛЬЦЕВО.
Курганская область.

АКАДЕМИКИ—МАСТЕРАМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Пропагандируя в массах мичуринскую науку, стремясь теснее связать ее с практической работой мастеров земледелия, Академия наук Латвийской ССР провела 2 октября выездную сессию в колхозе «Накотне». Свыше 250 человек — ученые, председатели колхозов, бригадиры и звеньевые — приняли участие в работе сессии Академии наук.

С докладом на тему «Проблемы животноводства в колхозах республики» выступил президент Латвийской Академии наук тов П. Леиньш. Проф. Я. Пейве посвятил свое выступление вопросам внедрения достижений передовой советской науки в практику колхозов Латвийской ССР. Кандидат сельскохозяйственных наук т. Перемыкин сделал доклад «Организационно-хозяйственный план колхоза «Накотне».

Мастера социалистического земледелия с большим вниманием и интересом прослушали рефераты ученых. В прениях по докладам выступили председатель колхоза «Накотне» тов. Лейтанс, бригадир тов. Уерт и звеньевой тов. Чиксте.

Выездная сессия Академии наук приняла резолюцию, в которой записано о необходимости и в дальнейшем широко и последовательно пропагандировать передовую советскую агрономическую науку. Решено в ближайшее время провести еще две выездные сессии академии в колхозах, создать агрономические лаборатории в сельскохозяйственных артелях республики.

РИГА. (Наш корр.).

ТОРЖЕСТВА В ГРУЗИИ

Столетие со дня рождения Александра Казбеги

ТБИЛИСИ. (Наш спец. корр.). В торжественной обстановке проходил пленум правления Союза советских писателей Грузии, посвященный столетию со дня рождения Александра Казбеги. Открывая пленум, С. Чиковани сказал:

— Творчество Казбеги бессмертно, ибо сегодня его произведения живы и вызывают глубокий интерес советских читателей.

С. Чиковани говорил о связях Казбеги с классической грузинской литературой, с лучшими представителями русской прогрессивной мысли. Резко выступая против царских сатрапов, попиравших права грузинского народа, Казбеги своими произведениями призывал к дружбе народов. В этой дружбе писатель видел залог расцвета Грузии.

Доклад «Александр Казбеги и современность» сделал Г. Джибладзе.

Грузинских литераторов приветствовали представители братских республик, гости пленума А. Ильченко (Украина), Ф. Рокпелнис (Латвия) и другие.

* * *

В Тбилисском государственном ордена Ленина театре оперы и балета имени Палиашвили состоялось торжественное заседание, на котором сделал доклад секретарь ЦК КП(б) Грузии по пропаганде тов. Шадури. Докладчик отметил, что произведения Казбеги, проникнутые глубокой любовью к народу, высокими идеями самоотверженной борьбы за счастье Родины, непоколебимой верой в светлое будущее своей страны и ее возрождение, продолжают волновать сердца советских читателей.

От имени Союза советских писателей СССР с приветственным словом выступил заместитель генерального секретаря Н. Тихонов. На заседании были произнесены приветственные речи от имени украинских, армянских, азербайджанских, латышских, белорусских писателей и от имени трудящихся Казбегского района.

Поэты Гомиашвили, Нонешвили и Леонидзе прочли свои стихотворения, посвященные Александру Казбеги.

Писатель Шалва Дадиани огласил постановление Совета Министров Грузинской ССР об увековечении памяти Александра Казбеги.

Вузы помогают заводам

Профессоры и преподаватели высших учебных заведений столицы, совмещая научно-педагогическую деятельность с практической работой на производстве, помогают коллективам промышленных предприятий в борьбе за сверхплановые накопления.

Большую помощь предприятиям автомобильной промышленности оказывает Московский автомеханический институт. Группа преподавателей этого вуза под руководством профессора П. Аксенова разработала для авторемонтного завода новую технологию литейного производства. Это позволило резко снизить брак и дало около 25 тысяч рублей годовой экономии.

Кафедра резания металла, возглавляемая профессором А. Панкиным, вместе с работниками технического отдела завода успешно решила проблему чистовой обработки цилиндров моторов. Это позволило более полно использовать оборудование и повысить качество ремонта машин. Кафедра технологии машиностроения помогла наладить поточный метод изготовления поршней. В результате творческого содружества ученых и рабочих завод «Aремз» до конца года дополнительно сэкономит миллион рублей.

Столь же тесно связаны с производством профессоры и преподаватели Высшего технического училища имени Баумана, Инженерно-экономического института имени Орджоникидзе, Энергетического института имени Молотова и других вузов.

Так, например, ученые МВТУ вместе с инженерами и техниками Первого Государственного шарикоподшипникового завода разработали новую систему обработки шариков. Это повысило производительность цеха и уменьшило себестоимость продукции. Профессор, лауреат Сталинской премии Г. Шаумян сконструировал новый тип станка-автомата для часовых заводов. Доцент кафедры металловедения И. Самошин ввел метод ускоренной газовой цементации, дающий экономию более полумиллиона рублей. Практически ценным является новый тип сварочного трансформатора, сконструированный академиком В. Никитиным.

* * *

На-днях коллегия Министерства высшего образования СССР обсудила вопрос о роли вузов в борьбе за повышение рентабельности предприятий. Коллегия министерства одобрила инициативу высших учебных заведений столицы и рекомендовала им усилить научно-техническую работу, направленную на повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Алуксне** (Латвийская ССР). «День сельского учителя» провел уездный комитет профсоюза работников просвещения.

Свыше 500 сельских учителей, директоров школ, пионерских и комсомольских работников собралось в уездный Дом культуры. С лекцией на тему «10 лет со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» выступил доцент Ронис.

Затем состоялась читательская конференция, на которой обсуждался новый роман латышской писательницы Анны Саксе «В гору». Доклад о произведении сделала учительница Алуксненской средней школы тов. Лацис.

◆ **Ташкент.** Значительно возросла по сравнению с прошлым годом сеть вечерних школ рабочей молодежи при фабриках и заводах Ташкента. В этих школах учится без отрыва от производства более 4 тысяч человек.

◆ **Алма-Ата.** Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения Казахской ССР выпустило в этом году 57 учебников для средней школы общим тиражом в 1.374.000 экземпляров. Тиражом от 30 до 100 тысяч экземпляров изданы на казахском языке букварь «Родная речь» и учебники казахского языка для первого и второго классов. На уйгурском языке тиражом в 5 тысяч экземпляров выпущены учебники языка, географии и другие пособия.

◆ **Севастополь.** Передвижную выставку по истории древнего города Херсонеса организовал Государственный херсонесский историко-археологический музей. Выставка, сопровождаемая лектором музея, совершает рейсы по колхозам, совхозам и рыболовецким артелям.

Что такое отстающий колхоз

Анатолий КАЛИНИН

То, о чем я тут рассказываю, относится не к одному лишь колхозу; не к одному хутору, а поэтому я изменяю фамилии и названия.

Иван Иванович Костылев в свое время в колхоз за всеми не пошел. «Погляжу с берега, как людей на волне понесет к лучшей жизни».

Один на весь хутор Вербный остался он бирючить в своем доме под белой цинковой крышей, как на островке, затопленном вешним разливом коллективизации. Дом Костылева, и правда, стоит на самом берегу, купаясь ветвями яблоневого сада в Дону, несущем мимо двора свою ничем не замутненную воду.

Наружностью и в разговоре Иван Иванович ласковый, тихий. Вежливое обхождение его с людьми вошло уже на хуторе в поговорку. «Люблю с ним дело иметь, — хвалился мне председатель колхоза, — голоса не возвысит». «Он вежливо и шкуру сдерет», — загадочно добавила присутствовавшая при этом разговоре в правлении злая на язык колхозница с Вербного хутора Дарья. «Ну, ты всегда так, Дарья», — сердито оглянулся на нее председатель.

— Какие же могут быть дела у колхоза с единоличником Костылевым?

— Разные, — уклончиво пояснил председатель. — Незаменимый, одним словом, человек.

— Сдерет и по хутору нагишом пустит, — не утерпела, снова вставила Дарья. И опять вызвала осуждающий взгляд председателя. Выдержала, только чуть повела в сторону бровью.

Живет, как уже сказано, Костылев на берегу, и ничего не стоит ему выйти за день несколько раз на крыльцо своего дома и взглянуть на колхозные лодки, тут же покачивающиеся под его двором на причалах. За это начисляет ему колхозный счетовод 75 сотых трудодня ежедневно. Попутно и моторный баркас сельскохозяйственного техникума обласкает Иван Иванович хозяйственным взглядом. Взгляд его обходится техникуму в 120 рублей в месяц. Когда же потребуется Костылеву, то по условию, не спросясь, он дни напролет возит на техникумовском баркасе с задонского огорода свою кукурузу и картошку и — целыми копнами — луговое сено.

Сена ему нужно много. К холодам на костылевском дворе уже стоит высокий стог — чуть поменьше, чем на колхозной ферме. Еще и этого, бывает, нехватает. Зимой надергает из припасенных за Доном притрушенных снегом копен и везет на санках. Завел трех молочных коров. С полгектара полагающегося ему, как единоличнику, луга их не накормишь, и Костылев выкручивается. Всю зиму, даже в бескормные годы, коровы жуют у него во дворе колхозное сено. Нет, он не ворует, ни одной былинки не возьмет чужого. Сделал себе добротный, на дубовых колесах, развод и, как только схлынет с левобережного займища вода, забрасывает его за Дон. В горячее время сенокоса прибегают к Костылеву из луговой бригады люди. «Не на чем, Иван Иванович, возить сено». «Вот же чудаки, — смеется Иван Иванович, — там же у меня где-то развод без дела, пользуйтесь».

Переждав время, едет за Дон: «Где бы мне сенца разжиться?», — спрашивает у бригадира луговой бригады. «С дорогой душой, Иван Иванович, мы доброту не забываем, бери, сколько увезешь, — великодушно разрешает бригадир, — может тебе и быков дать?»

От быков Костылев скромно отказывается. Зачем ему быки, когда свой конь стоит у него в сарае. Конь-то и не собственный, да лучше своего. Есть в хуторе одна научная, по виноградарству, контора, а в той конторе — единственный мерин. Некуда было конторе приютить этого мерина, спасибо, подвернулся Костылев. Растроганный его бескорыстием, начальник конторы доверил ему мерина на полное хозяйское усмотрение. На этот раз Иван Иванович не отказался. И налогов не платить, и погоняй, сколько хочешь...

Одну корову он на себя записал, двух других — на невесток, живущих не с ним, где-то в городе. Почти через три года в сельсовете досмотрелись до закона. Призвали Костылева. Вернувшись из совета, он хмуро поведал жене, что двух лишних коров приказали продать. «Слава богу, — обрадовалась изнурившаяся в уходе за тремя коровами жена, — они же из меня все жилы вытянули».

Позеленел Иван Иванович, закричал на жену, застучал ногами. Все же двух коров к вечеру следующего дня продал и, взяв за них с сельскохозяйственного техникума семь с половиной тысяч рублей, остался не в убытке.

Зимой Иван Иванович постукивает у себя в мастерской молотком, гнет хуторянам из жести — по 150 рублей за штуку — печные короба, делает колхозу ведра — по четверти трудодня за каждое. У соседки-вдовы за ремонт дома, кроме денег, выговорил кровать с пуховой периной. Свой дом перекрыл, приторговывает яблоками из сада. Даже по наружности, по выхоленно белым, на румяном лице, усам видно, что живется ему неплохо.

* * *

Ранней весной отрывали в колхозном саду виноград, ставили новые сохи и подвязывали к слегам лозы, еще пахнувшие пресным земляным духом.

Работа эта требует быстроты, нужно успеть поставить на опоры виноград, пока не брызнула из согревшихся под вешним солнцем лоз молодая зелень. Обычно в это время все колхозники хутора Вербного на несколько дней переселяются в сады. Так было и в этот раз.

Засаженный виноградом склон суглинистого придонского бугра при первых проблесках утра усеялся платками женщин и шапками мужчин, вышедших отрывать пролежавшие всю зиму в земле лозы и подвязывать их к опорам. Работали дружно, продвигаясь в междурядьях виноградника от куста к кусту, в гору. Не утерпел и мой сосед Николай Иванович, пришел в сад, с трудом передвигая ревматические ноги.

— И чего вас, дедушка, носит, али не управимся без вас? — с досадой укорила его Дарья, работавшая звеньевой в садоводческой бригаде.

— Вот и нет, — возразил ей Николай Иванович. И, достав из кармана заготовленное с вечера лыко с молодого вяза, стал привязывать им лозу к слеге.

Пригревало солнце, отдыхать никто не хотел. К полудню закончили нижнюю, прилегавшую к Дону, часть сада и перешли в верхнюю. Отлогий склон бугра полнился говором, то в одном, то в другом месте схватывался смех. Больше всех пересмешничала Дарья.

Лишь один человек, из всех находившихся в это утро в саду колхозников, не работал. Это был плечистый, невысокого роста мужчина в лисьей шапке. Вначале я решил, что это бригадир или агроном, наблюдающий за работой.

Кроме лисьей шапки, на нем были надеты новая ватная стеганка и армейские сапоги с ушками. Зачем-то держал он в руке маленький, с махром, кнутик, похлопывал им себя по голенищу. То, закуривая, садился на пригорке под оттаявшую голую еще вербу, то развалисто похаживал в междурядьях сада, затрагивая шутками работавших, не разгибая спины, женщин. Женщины его шуток не принимали. А один раз Дарья, с которой он заговорил было игривым тоном, сердито его оборвала:

— Ты бы, Филипп, взял, как другие, лопату.

— Хворый я, — сутуло повел плечами мужчина.

— Как осенью вино пить — здоровый, — напомнила ему Дарья.

— Так то вино. И сторожевая моя должность мне не дозволяет, — отходя от Дарьи, попробовал отговориться мужчина в лисьей шапке. Но не так-то, видно, легко было отделаться от проворной на работу и на язык солдатки.

— Знаем, — жестко бросила она, поднимая голову и разгибая поясницу. — Для колхоза, Филипп Слепцов, тебе всегда и хворость, и должность не дозволяют. А завтра, как нас тут не будет, ты в саду среди корней будешь свой огород разбивать — рубашка взопреет. Знаем, за какую выгоду при молодых летах в сторожа записался.

Тот, кого Дарья называла Филиппом, дернулся от этих ее слов, как от удара кнутом, распрямился. — сузившиеся глаза его черным огнем полоснули по лицу солдатки. Но он ничего не сказал и, както странно заводя одно плечо вперед, быстрыми шагами ушел на другую половину сада.

Провожая глазами его плотную, с обвисшими плечами фигуру, припомнил я, как недели две назад видел мужчину в лисьей шапке выуживающим из разлившегося Дона бревна. Где-то в верховьях половодье прихватило напиленный за зиму строительный лес, и поплыли по течению шестиметровые вербы и вязы. Зацепив из лодки веревкой дерево, Филипп Слепцов подтягивал его к берегу и, взвалив без посторонней помощи на плечо, чернея от натуги, тащил к своему дому. Несмотря на свою хворую немощь, дотемна хлюпался в студеной донской воде, носил на себе огромные, отяжелевшие от сырости стволы деревьев. Натаскав бревен, он загородил ими весь двор, года на три вперед обеспечил себя даровым топливом.

Вечером, медленно возвращаясь из садов домой рядом с Николаем Ивановичем, узнал я и другие подробности из жизни Филиппа Слепцова.

До колхоза имел он четыре пары огромных — рога не достанешь — быков, а в колхоз пришел записываться неимущим, с одним кнутиком на красном караичевом кнутовище. Может быть, еще с тех дней и сохранился у него этот самый кнут, каким он сегодня похлопывал себя по голенищу, расхаживая в междурядьях сада...

Здоровый тридцатилетний мужчина, он с первого дня запросился в колхозе на стариковскую должность — сторожем виноградного сада. Стал выпивать; полеживал в тени узорной листвы, скучая. Ветер оторвет от слеги лозу, Филипп будет сидеть и ждать, когда кто-нибудь из колхозников придет и поднимет.

Но не одно стремление отлежаться «под откосом жизни» тянет Филиппа под лиственную сень виноградного сада...

Дарья говорила правду. Весной, как только оттает на крутом склоне земля, Филипп и его жена начинают садить среди кустов винограда бахчу и огород. Соток здесь учитывать никто не догадается, засади хоть весь сад. На открытом лучам солнца и влажном склоне хорошо вызревают и капуста, и арбузы, и дыни.

К осени же, когда поспевает виноград, жена Филиппа чаще наведывается к мужу в сад с корзинкой. Тесть Филиппа выкатывает из погреба на середину двора сорокаведерную бочку, осматривает и заменяет проржавевшие обручи. Натуральное вино из донского винограда и крепкое, и вкусное. Кто-то посадил тот виноград, кто-то отогрел, укрывал землей от мороза, кто-то поднимал ближе к солнцу на сохах. Чье-то — может, многодетной вдовой солдатки Дарьи? — здоровье помянет Филипп Слепцов, припадая по праздникам к кружке.

* * *

От Вербного всего восемь километров до станицы, где находится райком партии. А идти подошвой правобережных бугров, под курчаво осенившими невысокий берег Дона тихими вербами, — это расстояние сократится и еще наполовину. По в районе вполне удовлетворены тем, что колхоз не на последнем месте в аккуратно появляющейся на страницах газеты «Новый Дон» пятидневной сводке.

Если же заглянуть в сводку с тыла, то картина другая. Колхоз хутора Вербного небольшой. Всей земли у него с задонским лугом и с виноградными садами семьсот гектаров. Вот и выскакивает он рядом с другими колхозами, имеющими втрое и вчетверо больше. А по своим планам и по возможностям разительно отстает. «И не приснится нашим руководителям переходящее знамя», — говорила на собрании Дарья.

Минувшей весной отсеялись не за восемь, как намечали, рабочих дней, а за девятнадцать. И убирали, когда колос уже, «клюкнув», уткнулся в землю. Осенью всегда морозы захватывают в степи поднимающих зябь трактористов. И сады облетят, и бугры опушило молодым снегом, а из степи, по склонам все еще скатывается в хутор тягучий гул тракторных моторов.

В прошлом году понадеялись на суровую зиму, оставили за Доном в стогах сено. А Дон так и не замерзал. В декабре пришлось вплавь переправлять скот на ту сторону. И нынче косили уже перестоявшую траву. Пока собирались загребать и складывать в копны, пошли ливни. Сено вымокло и побелело. Годится теперь разве только на то, чтобы укрывать коровники и конюшни.

То в колхозе зарежут жеребую кобылу волки, то утонут телята. Исподволь в трудовую дисциплину просочилась отрава разложения. Кое-кто, оглядываясь на оборотней, на Слепцова с Костылевым, и сам стал поближе держаться к приусадебному огороду, к берегу частной собственности. Бригадиры с вечера по нескольку раз обходят дворы, зазывают на работу. Крепкие еще здоровьем и не старые люди, отводя глаза в сторону, ссылаются на престарелость и немощь, запасаются справками о болезнях, жалуются, что не на кого дома оставить детишек.

Потом, видишь, и престарелый человек косит за Доном на своей индивидуальной делянке сено. И немощный лепит во дворе кирпичи самана из глины, смешанной с навозом, — что-то задумал строить. И укрывшаяся за спиной детишек женщина понесла к пристани на коромысле круглые, плетеные из талы корзины с помидорами.

Но Дарья не сдается, шумит и в правлении, и в степи, и в садах, грозится вывести оборотней на чистую воду. Зато же и ненавидят они Дарью, заглазно мажут дегтем имя солдатки, плетут вокруг нее сети темных слухов.

* * *

Коварная это вещь — сводка. Застевает она глаза иному руководителю, и не заметит он, как уже проценты заменяли ему живых людей. Начинает воспринимать события и факты не так, как они есть в колхозной действительности, а «на фоне». Реже бывает на местах, а если бывает, то только на собраниях. Однако не на каждом собрании в полную меру откровенности высказываются люди, особенно если не любят в колхозе критику. Да и как может быть иначе в отстающем колхозе? Не хромал бы он, не одолевали бы его тунеядцы, если бы там громко звучал голос колхозной демократии.

А иной человек и не расскажет на собрании того, что рассказал бы дома, где и стены помогают. Такой на людях из застенчивости, из врожденной скромности помалкивает, не спешит отворять душу. Чаще всего у него именно и есть что рассказать, духовный мир его просторен, глаза зоркие.

Всегда ли секретарю райкома, приезжая в колхоз, следует начинать с ведомостей правления? А если зайти с другого края, направить свои секретарские стопы к калитке колхозного двора и неспеша, запросто обойти один, другой дом и третий. В интимном, душевном разговоре за семейным столом рассказали бы ему звеньевая Дарья, старый колхозник Николай Иванович и другие о таком, чего не расскажут ведомости и сводки, в том числе и о коросте, облепившей тело их отстающего колхоза...

Народ не любит лодыря, гонит его взашей из колхоза, и все же встречаются еще места, подобные хутору Вербному, где тунеядцу живется вольготно.

НОВАТОР, КОТОРЫЙ СЭКОНОМИЛ МИЛЛИОН

Металлурги Юга и Урала хорошо знают неустанного рационализатора Ивана Васильевича Костина, создавшего десятки машин и приспособлений, облегчающих и механизирующих труд. Сейчас тов. Костин работает на Урале—на Серовском металлургическом заводе.

Директор Серовского завода тов. М. Лукашенко сообщил нашему корреспонденту:

— Тов. Костин не имеет диплома инженера, но он постоянно занимался самообразованием и в 1933 году, будучи механиком доменного цеха, поступил в Днепропетровский металлургический техникум при заводе имени Петровского. В то время Костину было 45 лет.

Рационализаторские предложения тов. Костин начал вносить еще в 1924 году на заводе им. Петровского. Основное направление работы этого талантливого самородка-изобретателя — механизация наиболее трудоемких участков доменного цеха.

Всего на металлургических заводах Юга тов. Костин внес не менее тридцати рационализаторских предложений, давших около 500.000 рублей экономии.

На Серовском заводе Иван Васильевич работает с 1943 года. Сейчас он занимает пост начальника цеха малой механизации. На нашем предприятии он внедрил десятки ценных предложений, способствуя новой, передовой технологии.

Прежде всего на всех печах был установлен пробивной молоток его конструкции. Второе важное предложение тов. Костина, применяемое на нашем заводе, — механизация подвода пушек к леткам доменных печей; это позволило заправлять летки на полном ходу печи.

Эксцентриковый путепод'емник-путепередвижник Костина также внедрен на нашем заводе. Раньше работу производили вручную 30 человек, теперь их заменяют трое-четверо. Приспособление для срезки мусоров при планировке на шлаковом отвале мартеновского цеха, предложенное Костиным, за полчаса заменяет труд пятидесяти рабочих в течение всей смены. Иван Васильевич Костин внес на Серовском заводе восемнадцать предложений, из которых пятнадцать уже внедрены и дают экономию в 550.000 рублей.

Недавно общественность завода торжественно отметила 60-летие замечательного рационализатора, давшего Родине свыше миллиона рублей экономии.

О «Конвейере диссертаций»

Улучшить или изменить порядок подготовки и аттестации научных кадров

(ОБЗОР ПИСЕМ)

Статья «Конвейер диссертаций», опубликованная в порядке обсуждения в № 50 «Литературной газеты», вызвала большое количество откликов.

Редакция получила из разных концов страны около трехсот писем и статей, в которых научные работники всех категорий — от аспирантов до действительных членов академий наук — излагают свою точку зрения на нынешнюю практику подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней.

Уже один только список десятков городов, откуда прибыли письма, красноречиво говорит о большом значении поднятого вопроса и о том поистине хозяйском внимании, которое советская интеллигенция проявляет к государственным и общественным делам.

В большинстве писем высказывается мысль, что почетная степень кандидата должна быть заслужена плодотворным творческим трудом, обогащающим, движущим вперед науку. Если же труд — диссертация — пишется ради получения ученой степени, которая превращается в самоцель, такой труд чаще всего бывает бесплоден для науки и не представляет ценности для практики. Немало таких диссертаций, нужных лишь их авторам для получения степени, похоронено в архивах.

Существующий порядок присуждения степеней, судя по многочисленным фактам, сообщаемым читателями, имеет много недостатков, и, по общему мнению, вопрос о необходимости пересмотра этого порядка поднят своевременно и правильно.

О серьезных недостатках в практике подготовки научных кадров говорится во всех письмах. Многие читатели указывают причины, их порождающие, предлагают меры для их устранения.

В чем же эти причины? Большинство авторов писем видит их в несовершенстве аспирантуры и системы присуждения ученых степеней. Именно эти несовершенства, а также либеральное, зачастую даже безответственное, отношение к делу научных руководителей и оппонентов создают известную легкость для проникновения в науку немалого числа людей, не способных к научному творчеству. Мнения расходятся лишь в вопросе о том, как устранить эти недостатки, — нужны ли коренные изменения, или же можно ограничиться только улучшением существующего порядка.

Многие читатели (действительный член Академии наук Грузинской ССР К. Завриев — Тбилиси; доктора наук К. Пангало — Тирасполь, В. Егорченко, К. Сивков — Москва; кандидаты наук П. Комаров—Ленинград, С. Рапопорт — Харьков, Ф. Зорин — Сочи; генерал-лейтенант в отставке П. Ионов — Москва; инженер Г. Лютершпигель — Безымянка и многие другие) согласны с тт. Френкелем и Конюс, что необходим более строгий отбор и более компетентная оценка научных достоинств соискателей. В их письмах говорится, что право присуждения ученых степеней следует передать специализированным квалификационным комитетам (подконтрольным ВАК), состоящим из крупных ученых, а также ввести периодическую переаттестацию научных работников. Кроме того, высказывается мнение, что необходимо заменить аспирантуру ассистентурой.

Другая часть читателей, меньшая (проф. В. Исупов — Псков; кандидаты наук Н. Власов, А. Осипов, Л. Новик, А. Ревенов, А. Розанов, Л. Литвак — Москва; Г. Юдин — Фрунзе; Л. Бурштейн — Ленинград и др.), находит, что авторы статьи слишком мрачными красками рисуют действительность, преувеличивают значение «потока» плохих диссертаций, принимают частное за общее и опорочивают всю систему подготовки научных кадров. В ряде писем отмечается, что на некоторых предложениях тт. Френкеля и Конюс лежит печать кастовой замкнутости. Предлагаемый ими порядок присуждения степеней без публичной защиты может закрыть доступ в науку для молодежи и в то же время отнюдь не будет гарантировать от возможности необ'ективной оценки достоинств соискателей. По мнению этих авторов писем, периодические проверки научных работников и лишение ученых степеней лиц, творчески не работающих, не оправданы и не нужны.

Остальные читатели (доктора наук М. Сидорин — Москва, Д. Шаргородский, М. Лаврентьев—Ленинград; проф. И. Мощковский—Фрунзе; кандидаты наук С. Ткаченко — Москва, В. Латченко — Бельцы, Н. Монаков—Сталинабад; врач И. Гольдгефтер—Стрий; доцент А. Кузнецов—Ташкент; инженер-майор Н. Шило — Дальний Восток; аспирант В. Юрчук—Киев; доцент Зеленский—Харьков и др.) считают, что, несмотря на то, что тт. Я. Френкель и Э. Конюс допустили слишком широкие обобщения, приведшие их к односторонним выводам, они, безусловно, правы в главном: нынешний порядок присуждения ученых степеней и подготовки научных кадров требует серьезных улучшений. Эта группа читателей не согласна с предлагаемыми тт. Френкель и Конюс организационными мерами и считает, что нужно не разрушать, а совершенствовать существующую ныне систему.

Каков же итог обсуждения?

Редакция суммировала высказывания и наиболее целесообразные, практически выполнимые предложения читателей.

Подготовку и аттестацию научных кадров необходимо вести на основе самой строгой и принципиальной критики и самокритики. Именно за это должна бороться вся научная общественность. Только при этом условии будет закрыта лазейка в науку для авторов слабых, недостойных работ, для «любителей» степеней.

Степени должны присуждаться только тем, кто уже создал и способен создавать в дальнейшем действительно ценные для теории и практики научные труды. Критерием, которым должны руководствоваться оппоненты и те, кому доверено право решать вопрос о присуждении степени, может быть только научная и практическая ценность данной работы, ее идейная направленность, патриотичность, большевистская принципиальность.

Существующую сейчас систему подготовки научных кадров через аспирантуру, по мнению читателей, надо сохранить. Но комплектовать аспирантуру следует в основном из лиц, уже научившихся применять свои теоретические знания на практике, т. е. проработавших по окончании вуза не менее 3 лет. С молодыми специалистами, проявлявшими в вузе наклонности к научной работе и направленными на практическую работу, вузы должны поддерживать тесную связь. Из их числа и следует черпать резервы для аспирантуры. При приеме в аспирантуру необходим более строгий отбор, основанный не только на экзаменационных оценках.

Аспирантуру нужно освободить от духа ученичества, предоставить будущим ученым возможность заниматься исследовательской работой, углублением своих теоретических знаний. Аспирант должен быть не только учеником, но и ассистентом своего научного руководителя, который обязан развивать в нем необходимые научному работнику качества.

Кандидатские экзамены должны выявлять не только фактическое знание предмета (некоторые предлагают расширить «минимум» за счет гуманитарных дисциплин), но и способности соискателя к широкому научному мышлению.

Сдав кандидатские экзамены и написав 3—4 научных реферата по изучаемой проблеме, аспирант может получить только звание младшего научного сотрудника и должен быть направлен на научно-исследовательскую работу по избранной им специальности. Находясь уже на этой работе, разрабатывая важные для теории и практики темы, молодой научный работник может написать свою кандидатскую диссертацию. Такая система позволит сократить срок аспирантуры до $1\frac{1}{2}$—2 лет и приблизить к темам жизни научную молодежь.

Кадры научных работников должны пополняться за счет специалистов-практиков, ведущих исследовательскую работу на предприятиях, разрабатывающих новые методы и двигающих вперед технику, медицину и т. д. Министерство высшего образования должно помочь им в повышении их теоретических знаний через систему специальных курсов, семинаров, заочной аспирантуры, которую необходимо значительно расширить. Соответствующие научно-исследовательские институты должны привлекать таких специалистов-практиков, тяготеющих к научно-исследовательской работе, в качестве своих внештатных сотрудников и руководить их деятельностью.

В существующий порядок присуждения ученых степеней, не ломая его, необходимо внести, по мнению большинства читателей, значительные коррективы.

Прежде всего определением института, в котором будет защищаться диссертация, должен заниматься не соискатель, а Высшая аттестационная комиссия. Кандидатские экзамены соискатели должны сдавать в том же институте, в котором защищается диссертация.

Следует увеличить количество официальных оппонентов. Диссертант должен быть лишен возможности выбирать оппонентов и влиять на их мнение.

Присуждая степень, необходимо учитывать всю научную деятельность соискателя. Присуждение степени должно означать признание научных заслуг человека.

Защита диссертации должна остаться публичной, но быть подлинным научным диспутом. Участвовать в диспутах-защитах должны не только ученые, но и специалисты-практики, новаторы производства. Чтобы обеспечить такой характер защиты, необходимо рассматривать диссертации на открытых заседаниях специализированных ученых советов, где о достоинствах и недостатках работы будут судить только компетентные в данной отрасли знания люди. Высказаны пожелания, чтобы наряду со специалистами-теоретиками правом решающего голоса могли бы пользоваться крупные специалисты-практики.

Следует изменить также процедуру голосования — ввести вместо тайного голосования закрытое, т. е. ставить на бюллетенях имена членов совета. Это повысит ответственность голосующих и даст возможность контрольному органу ВАК выяснить мотивы того или другого решения. Диссертации, собравшие больше $^1/_2$, но меньше $^2/_3$ голосов, должны передаваться ВАК на новое рассмотрение в другой институт.

Необходимо также решительно улучшить работу ВАК, медлительность и бюрократичность которой приобрела печальную известность в научных кругах. Следует установить твердые сроки проверки диссертаций и окончательного утверждения в ученой степени, так как сейчас процедура эта длится годами.

Таково мнение наших читателей — представителей научной общественности, которое редакция считает вполне заслуживающим внимания. Министерство высшего образования должно сказать свое слово и принять действенные меры для того, чтобы система подготовки и аттестации научных кадров соответствовала тем высоким задачам, которые стоят перед советской наукой.

БОЛЬШЕ БУМАГИ СТРАНЕ!

МАРКА УКРАИНЫ

Понинковский бумажный комбинат — первенец украинской бумажной промышленности.

Еще видны свежие следы немецких разрушений, но рядом уже вырастают новые цехи, построена электростанция. Недавно пущена в ход новая бумажная машина, протянувшаяся в длинном зале на несколько десятков метров. Она напоминает прокатный стан, но не металл, а бумага мчится перед нами бесконечным потоком.

В планах понинковцев—строительство еще одного цеха, выделывающего бумагу. Больше высококачественной бумаги стране с маркой Украины, больше превосходных тетрадей нашим школьникам — такими мыслями живут стахановцы комбината: и седые кадровые рабочие, и новые мастера, вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной войны, и молодежь — выпускники ремесленного училища.

Приехав на комбинат, мы — участники бригады писателей Украины, провели интересное совещание старых рабочих. Иван Свенцицкий, работающий здесь с 1884 года. Наум Ловинский, пришедший на производство 37 лет назад, Филипп Плакса, сеточник с 48-летним стажем, и многие другие кадровики выступили с рядом значительных предложений. Их крепко поддержала молодежь. Много говорилось о том, что нужно взяться за использование огромных ресурсов соломы, о чем в свое время писала «Литературная газета». Замена дорогостоящей привозной древесной целлюлозы местным сырьем — это мероприятие огромнейшего значения. На республиканском слете стахановцев украинской бумажной промышленности, который происходил в Понинках, также неоднократно возникал этот вопрос. Местных специалистов беспокоит вопрос о доставке соломы на фабрику. Но это напрасное беспокойство. Транспортирование соломы ничем не отличается от перевозки сена.

В 1950 году украинская бумажная промышленность должна дать стране вдвое больше бумаги, чем давала в 1940 году. Как досрочно выполнить эту программу, как добиться коренного улучшения методов работы бумажных фабрик? Обсуждению этих вопросов был посвящен слет бумажников Украины.

Слет показал, что на украинских бумажных фабриках есть еще немало резервов. Высок брак, много идет бумаги второго и третьего сортов, и руководители бумажных фабрик: Понинковской (тов. Топольник), Малинской (тов. Колпинский) недооценивают значение борьбы за качество.

С горечью говорили стахановцы на слете о том, что, вследствие неправильной организации труда и нарушения технологических требований, часто снижается качество бумаги.

На фабриках совершенно не уделяется внимания удовлетворению культурно-бытовых нужд рабочих. Как в прошлом, так и в нынешнем году почти не расходуются средства, выделенные на жилищное строительство. Много жалоб на плохую работу магазинов и столовых. Даже на крупнейшем Понинковском комбинате не налажено кинообслуживание рабочих и служащих. Поражает отношение украинского Комитета профсоюза рабочих бумажной промышленности, молча созерцающего неприглядную картину невнимания к культурно-бытовым нуждам масс.

На Украине строятся и должны войти в ближайшие годы в строй бумажные предприятия — Нижне-Днепровская фабрика, Жидачевский бумажный комбинат, Корюковская фабрика мелованных бумаг, и для них, как и для действующих предприятий, потребуются рабочие. Но ничего не делается пока для подготовки кадров. Единственное существующее на Украине ремесленное училище, готовящее рабочих-бумажников, не получает необходимой помощи от Укрбумтреста. Такое положение нетерпимо! Необходимы срочные меры для упорядочения подготовки рабочих. Вот к каким выводам пришли писатели Украины после пребывания на Понинковской фабрике и на слете бумажников Украины.

Понинковцы взяли на себя обязательство завершить выполнение плана 1948 года ко дню годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Огромный творческий под'ем — залог того, что обязательство будет выполнено. Плывет в центре цеха белая река, — это рождаются новые тонны бумаги, на которой будут напечатаны новые книги. И этому радуется весь народ. Нужно помочь понинковцам дать больше бумаги стране. Больше отличной бумаги, на которой стояла бы марка Украины!

Хай сонце сяе в небе чаші
І прапорів цвіте прибій!
Ваш чесний труд і співи наші
меті скеровані одній.
Відрили ми до щастя двері,
в борні незламні й молоді,
щоб наше слово на папері
Вітчизну славило в труді.

Бригада ССП Украины и «Литературной газеты» В. КУЧЕР, Ю. МАРТИЧ, С. РОЗУМОВСКИЙ

Скоростная проходка тоннелей

Отечественное тоннелестроение за последние годы достигло значительных успехов. Однако этот вид строительных работ продолжает оставаться наиболее тяжелым и трудоемким.

Инженер К. Романович предложил эффективный способ проходки тоннеля «продавливанием». Строительство тоннеля таким способом можно сравнить с проталкиванием в земле металлической трубы, снабженной на конце режущим инструментом для разрушения породы.

Проходка начинается с сооружения котлована (шахты), где размещают так называемую рабочую камеру, оборудованную насосами высокого давления и гидравлическими домкратами. В шахту опускается ножевое звено, а затем, когда под действием домкратов оно войдет в породу, звеньями подается железобетонная оболочка тоннеля; ее проталкивают одновременно с направляющей режущей частью.

Получается готовый тоннель. Рабочие при этом только управляют механизмами.

При полной механизации работ скорость строительства тоннелей новым способом будет равна 20 метрам в сутки; это значительно выше скоростей, достигнутых за границей. Высвобождается большое количество рабочих-тоннельщиков.

По способу инженера К. Романовича уже сооружены десятки тоннелей небольшого диаметра. Это принесло большую экономию и ускорило сроки выполнения строительных работ. Сейчас новый способ скоростной проходки находит применение при сооружении тоннелей большего диаметра и протяженности.

По следам неопубликованных писем

МАРИУПОЛЮ — КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Киоскер Союзпечати Мариупольского порта Глафира Корниенко прислала в редакцию письмо о том, что ее киоск получает мало книг на русском языке, и потому она не может удовлетворить запросы читателей. И. о. заведующего отделом печати ЦК КП(б)У тов. Сыромолотный сообщил, что факты, указанные в письме Глафиры Корниенко, подтвердились. По вине Сталинского областного отделения Союзпечати киоск Мариупольского порта действительно получал до сих пор мало книг на русском языке.

Сейчас, по ходатайству республиканского отделения Союзпечати, киоск Мариупольского порта будет получать литературу на русском языке непосредственно из Москвы. Сталинскому областному отделению Союзпечати указано на недостатки в снабжении литературой киосков районных городов, в том числе Мариуполя и Мариупольского порта.

Еф. ХОЛОДОВ

ПОЛВЕКА СЛАВЫ

Накануне юбилея МХАТ СССР имени Горького (1898-1948)

Сентябрь 1898 года... Театра еще нет,— есть только здание в Каретном ряду, где хозяйничают пока плотники и маляры. Еще неизвестно, как он будет называться. Общедоступный театр? Драматический театр? Московский театр? Театр общества искусства и литературы? Но уже есть труппа — тридцать девять никому неведомых актеров, которым суждено прославить русский театр. Уже Немирович-Данченко репетирует в сторожке дворника роль царя Федора с выпускником филармонии Иваном Москвиным. Уже Станиславский вчитывается в чеховскую «Чайку», и, пока еще на полях режиссерского экземпляра, рождаются знаменитые впоследствии мизансцены. Уже близится день 14 (27) октября, когда перед первыми зрителями Художественного театра раздвинется занавес и пророчески прозвучит первая реплика трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович»:

— На это дело крепко надеюсь я.

...Шел только второй сезон в жизни молодого театра, а Чехов уже с уверенностью утверждал, что «Художественный театр — это лучшие страницы той книги, которая будет когда-либо написана о современном русском театре». Сколько же новых блистательных страниц вписано театром с тех пор!

Пятьдесят лет... И каких лет!

Вдуматься только в эти слова: Московский Художественный Академический театр Союза ССР имени М. Горького...

Московский...

Этим сказано многое. МХАТ — именно московский театр, — и не по местопребыванию только, а по происхождению, по облику, по размаху, по всему — московский. Трудно представить себе Москву без МХАТ. Невозможно представить себе МХАТ вне Москвы.

Художественный театр — высшее достижение русского национального искусства, — и не только театрального. Много предстояло свершить русскому гению, чтобы стало возможным появление такого театра. Надо было, чтобы Пушкин раскрыл величие русского духа, чтобы Толстой с эпической мощью нарисовал жизнь страны и обозначил шаг вперед в мировом художественном развитии, чтобы от Гоголя к Чехову передалась великая любовь к маленькому, простому человеку. Надо было, чтобы ярославец Федор Волков загорелся любовью к театральному действу, чтобы Фонвизин занес бич сатиры над невежеством и тиранией, чтобы Островский сорок лет создавал репертуар российского театра. Надо было, чтобы юный Глинка прислушался к задушевной русской песне, то грустной, то удалой, чтобы Чайковский сумел положить на ноты тончайшие движения души человеческой, чтобы Мусоргский поразил невиданной силой и драматизмом своей удивительной музыки. Надо было, чтобы Суриков создал свои гениальные исторические композиции, чтобы Репин щедро населил свои полотна сотнями русских людей с их горестями и радостями, чтобы Левитан нашел краски, способные выразить все очарование русской природы. Надо было, чтобы Мочалов мог потрясать сердца, чтобы Щепкин открыл законы простоты на сцене, чтобы Стрепетова заставляла зрителей рыдать над горькой судьбиной своих обездоленных героинь.

Надо было, одним словом, чтобы русский народ создал свое могучее национальное искусство, чтобы выкристаллизовались замечательные традиции лучших русских художников, беспощадный реализм, верное служение общественным интересам, горячее сочувствие к народной доле. Художественный театр, родившийся на рубеже двух веков, вобрал в себя все эти чудесные традиции, накрепко связал свою судьбу с судьбами великой отечественной литературы и, в известном смысле, явился как бы итогом всего предшествующего развития национального русского искусства.

Не случайно первая же заграничная поездка МХАТ в 1906 году принесла театру восторженное мировое признание. Европа увидела больших самобытных мастеров русского театра, сказавших новое слово в истории мирового искусства.

Сила Художественного театра была в том, что искусство его, корнями уходящее в прошлое, было обращено к будущему. Этим-то и об'ясняется, что в пору все усугубляющегося кризиса буржуазной культуры на Западе в России появился жизнеспособный театр прогрессивных демократических устремлений.

Когда в Москве впервые раздвинулся занавес Художественного театра, Владимир Ильич Ленин был за многие тысячи верст от белокаменной столицы — в сибирской ссылке, в Шушенском. Только в феврале 1900 года ему удается — и то нелегально — побыть в Москве. И в один из вечеров Владимир Ильич, рискуя быть опознанным полицией, посещает молодой театр. Ровно через год, 20 (7) февраля, вынужденный поселиться вдали от родины, Владимир Ильич пишет матери из Мюнхена: «Бываете ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова Три сестры? Видели ли ее и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в «Художественном—Общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году...» (Напомним, кстати, что премьера «Трех сестер» состоялась всего за неделю до этого письма; как внимательно следил Ленин из своего далека за успехами нового театра!).

Сама возможность появления такого театра, как Художественный, была обусловлена великими историческими событиями, назревавшими в стране: близилась первая русская революция.

Художественный...

Чтобы понять, какой смысл вкладывали основатели театра в это слово, надо помнить, что поначалу театр назывался «Художественно-общедоступный». Второе слово по-особому освещает первое. Оно подчеркивает демократический характер направления, которое сразу же взял молодой театр. «Не забывайте, — подчеркивал Станиславский в речи на открытии репетиций,—что мы стремимся осветить темную жизнь бедного класса... Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь». Это значит, что театр не замыкался в решении собственно-эстетических задач, не ставил перед собой лишь узко-художественные цели.

Художественный театр открыл новую главу в истории сценического реализма. Его искусство было подлинно новаторским. Мировой театр не знал такого абсолютного подчинения всех средств сцены единой идейно-художественной цели; такого совершенного и безукоризненного ансамбля; такой властной и тонкой режиссуры; такого раскрепощения творческих сил актера. То, что прежде могло быть счастливым уделом немногих гениальных артистов, Художественный театр сделал достоянием всей труппы в целом.

Однако, чтобы понять суть мхатовских новшеств, надо задать себе вопрос: ради чего все это делалось? Ответ мы найдем в дневниковой записи того же Станиславского, сделанной еще в 1889 году, почти за десять лет до создания Художественного театра: «Конечно, тот путь самый верный, который ближе ведет к правде, к жизни. Чтобы дойти до этого, нужно знать, что такое жизнь и правда».

Во имя правды, во имя жизни — вот ответ.

Нужен был в канун первой русской революции театр, способный поведать правду о душной и пошлой жизни, о людях, которым невыносима такая жизнь, о людях, которые оказались на самом дне жизни, о людях, которые возвысили голос надежды и голос протеста. Надо было кому-то сказать: плохо живете, люди! Надо было кому-то напомнить: человек — это звучит гордо! Надо было кому-то провозгласить: надвигается буря!

В этом и была миссия Художественно-общедоступного театра.

Сама история, вызвавшая к жизни драматургию Чехова, а затем драматургию Горького, вызвала к жизни и театр, который мог бы воплотить на сцене чеховские и горьковские образы.

Мир чеховской драматургии был особенно близок молодым художественникам. Да, так жить нельзя, — это они знали твердо. А как надо? Что нужно сделать, чтобы изменить течение жизни? Этого они еще не знали, как не знали этого и персонажи чеховских пьес.

Зрители ходили в Художественный театр на «Трех сестер» не как в театр, а как в гости к семье Прозоровых. Так же ездили они в усадьбу Сорина («Чайка»), Серебрякова («Дядя Ваня»), Раневской («Вишневый сад»). В чеховских спектаклях на сцене текла самая доподлинная жизнь — неторопливая, невеселая. Все было как в жизни, — слышно было, как верещал сверчок за печкой, отбивали время часы на стене, доносился и стук садовой калитки, и звук от'езжающего экипажа, и перестук топоров, рубивших вишневый сад. Здесь все было естественно и вместе с тем значительно — сказанное и недосказанное, высказанное и невысказанное. Иная пауза была красноречивее слов. Режиссерские экземпляры чеховских пьес испещрены пометками: пауза, пауза, пауза,—люди как бы прислушивались к тому, что в них происходило, искали слов — и не находили. Но жила в чеховских спектаклях атмосфера предчувствия больших перемен. Как камни, падали тяжелые, тревожные слова: «Холодно, холодно, холодно». Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно». Но ведь были, были и другие слова, от которых расцветали улыбки надежды в зрительном зале. Услышаны были в «Трех сестрах» вещие слова Качалова о надвигающейся буре, услышан был голос Качалова в «Вишневом саде»:

— Здравствуй, новая жизнь!

Если бы заслуга молодого театра была только в том, что он открыл для сцены Чехова, — за одно это он заслуживал бы почетнейшего места в истории русского сценического искусства. Но Художественный театр сделал больше: он предоставил свои подмостки для героев Горького.

Трудно переоценить историческое значение этого события: в пору тягчайшего самодержавного гнета Художественный театр одну за другой ставит три пьесы первого и крупнейшего пролетарского писателя—«Мещане», «На дне», «Дети солнца».

Место тоскующих и мечущихся чеховских героев занял паровозный машинист Нил, небывалый еще в литературе и на сцене герой. Как приговор истории звучали его спокойные, уверенные слова:

— Ничего! Наша возьмет!

Значение Горького в становлении МХАТ кратко и точно сформулировал сам Станиславский: «Главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре был М. Горький».

Период наибольшего расцвета в дооктябрьскую эпоху истории Художественного театра совпал (и, конечно же, это не было простым совпадением!) с общественно-политическим революционным под'емом. Годы политической реакции, последовавшие за революцией 1905 года, отразились и на театре. Горьковское начало, по признанию Немировича-Данченко, «во время всеобщей реакции начало в театре таять». Театр начинает колебаться в осуществлении своих реалистических принципов, уклоняясь то в аллегорическую условность («Жизнь человека» Л. Андреева), то в мистическую символику (постановка «Гамлета» Гордоном Крегом). В это тяжелое и смутное время театр начинает увлекаться Достоевским, ставит «Братья Карамазовы», инсценирует «Бесы», что вызывает активный протест Горького.

В самом театре тоже начинают понимать неправильность идейных шатаний, особенно ко времени начала нового общественного под'ема. Большевистская газета «За правду» (1913 г.) с удовлетворением отмечает в статье «Современный театр и рабочие»: «Станиславский все время носится с мыслью создания театра для огромных народных масс; он внимательно следит за работой одного из режиссеров Художественного театра, Сулержицкого, который ведет сценические занятия с группой рабочих. Чуткий художник ищет новых сотрудников». Ясно, однако, что идея создания «театра для огромных народных масс» не могла быть осуществлена в тех условиях.

Театр попадает в жесточайший репертуарный кризис. В сезон 1915—1916 гг. был показан только один новый спектакль. В сезон 1916—1917 гг. — ни одного.

В речи на 40-летнем юбилее МХАТ Немирович-Данченко говорил:

— Мы отлично помним и сознаем, что перед самой Великой Октябрьской революцией мы были в состоянии полнейшей растерянности... Мы все сейчас великолепно сознаем, что если бы не было Великой Октябрьской социалистической революции, наше искусство потерялось бы и заглохло.

Искусство Художественного театра не потерялось, не заглохло: грянула революция.

Академический...

Этого высокого звания МХАТ был удостоен в самом начале революции в числе пяти крупнейших театров страны. Это означало признание молодым советским государством огромной культурной и художественной ценности театра. А. В. Луначарский, бывший в те годы народным комиссаром просвещения, приводил впоследствии знаменательную фразу Владимира Ильича Ленина: «Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить—это, конечно, МХАТ».

Художественный театр принял звание Академического не как охранную грамоту, а как знак народной признательности и народной требовательности. Он не захотел быть театром-музеем, демонстрирующим перед новым зрителем сокровища старой театральной культуры. Он не хотел, чтобы его искусство, уже признанное классическим, застыло бы в найденных — пусть прекрасных — формах. Он стремился быть современником своих зрителей.

Художественный театр переживал свое второе рождение — рождение советского Художественного театра.

Замечательное поколение людей, свершивших величайшую в истории революцию, заполнило зрительный зал Художественного театра. В день десятилетия Октября оно впервые завладело подмостками театра: МХАТ поставил «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова. Художественный театр сумел, по прекрасному выражению Станиславского, взглянуть в революционную душу страны.

Трудно переоценить значение этого спектакля в истории не только МХАТ, но и всего советского театра. Большевистские идеи революционного переустройства мира, идеи советского патриотизма и пролетарского интернационализма озарили спектакль ярким светом большой, взволнованной правды.

Качалов — Вершинин, Хмелев — Пеклеванов, Баталов — Васька Окорок, Кедров — китаец Син Бин-у — все эти образы по праву считаются классическими созданиями советского театрального искусства.

Совместный труд МХАТ с Всеволодом Ивановым над «Бронепоездом» был только началом той огромной работы, которую проделал Художественный театр для привлечения советских писателей к созданию современного репертуара. МХАТ превратился в своеобразную лабораторию советской драматургии. Иванов, Тренев, Леонов, Катаев, Афиногенов, Корнейчук, Вирта, Погодин, Симонов, Крон — таков неполный перечень писателей, творения которых увидели свет рампы Художественного театра. Вслед за «Бронепоездом» театр в творческом содружестве с драматургами создает целый ряд выдающихся спектаклей—«Любовь Яровая», «Страх», «Платон Кречет», «Земля», «Глубокая разведка».

Творческие успехи МХАТ в создании современного и классического репертуара—яркое выражение мудрости и плодотворности театральной политики советского государства и великого друга искусства — товарища Сталина. Партия твердой рукой поддержала театр, воплощающий лучшие традиции русского реалистического искусства. Велика роль МХАТ в борьбе, которую партия неуклонно вела и ведет против всевозможных проявлений безидейного формалистического штукарства в театральном искусстве.

С каждым годом мастера Художественного театра все более проникаются великими идеями партийности искусства. МХАТ становится большой и активной силой в грандиозном деле коммунистического воспитания народа.

Колоссальный творческий опыт МХАТ, теоретически обобщенный в трудах Станиславского и Немировича-Данченко, давно стал незыблемой основой воспитания актера и создания спектаклей.

Значение Художественного театра для развития всей советской театральной культуры огромно. Влияние МХАТ на весь многоязыкий театр страны социализма велико и многообразно.

Театр Союза ССР...

МХАТ — единственный из драматических театров, который удостоен права так называться. И действительно — это поистине театр всесоюзного масштаба и значения, театр, всенародно признанный и любимый.

Все мы помним, хотя тому уже более десяти лет, как появилось во всех газетах сообщение ТАСС о премьере «Анны Карениной». Сообщение называлось: «Большая творческая победа МХАТ СССР им. Горького», «Успех премьеры был исключительный, — говорилось в сообщении. — Присутствующие на спектакле товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Жданов горячо аплодировали вместе со всем залом».

Великий Сталин и его соратники, горячо аплодирующие вместе со всеми зрителями замечательному мастерству мхатовцев, — в этом нельзя не увидеть символ всенародного признания и всенародной любви к Художественному театру Союза ССР.

Высокая оценка МХАТ советским народом нашла яркое выражение в награждении театра двумя орденами. К названию театра добавились гордые слова: **орденов Ленина и Трудового Красного Знамени...**

Художественный театр был задуман его основателями как театр общедоступный. Революция осуществила мечту основателей театра. Но теперь Художественный театр стал больше, чем общедоступным: он стал общенеобходимым.

За годы советской власти МХАТ сыграл более 16 тысяч спектаклей. Это значит, что в креслах Художественного театра перебывали миллионы советских людей.

Лучшие спектакли МХАТ — это всегда откровение. Творения МХАТ облагораживают, обогащают душу и помыслы, вселяют веру в творческие силы человека, в историческую правоту и непобедимость нашего великого дела. Правдивость, искренность, идейность — вот что такое спектакль Художественного театра.

Стоит советскому человеку, где бы он сейчас ни жил — где-нибудь на Курильских островах, или в жарких степях Таджикистана, или в Берлине — стоит ему только вспомнить свое посещение Художественного театра, как сразу становится празднично и светло. Непременно скажет человек: приеду в Москву — обязательно снова схожу в Художественный...

Как много говорят каждому советскому человеку имена Качалова, Москвина, Леонидова, Тарханова, Книппер-Чеховой... Сколько незабываемых образов воскресает в памяти при упоминании каждого из этих имен! А второе поколение мастеров МХАТ — поколение, взращенное Октябрем, — Хмелев, Кедров, Тарасова, Добронравов, Топорков, Ливанов, Яншин, Чебан, Прудкин, Орлов, Андровская, Еланская, Степанова, Массальский, Попова, Кторов... С радостью чуть ли не в каждой новой постановке зрители узнают новые для себя имена талантливых исполнителей. Это — молодежь МХАТ, его будущее, достойные преемники славы первых двух поколений.

Советские люди привыкли видеть в спектаклях МХАТ правдивую и талантливую художественную летопись своих дел и дней. И в годы войны, когда советские люди сражались за честь и независимость своего отечества, Художественный театр сумел отразить героизм народа в таких выдающихся спектаклях, как «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Офицер флота» А. Крона, а затем, уже после войны,—«Победители» Б. Чирскова и «Дни и ночи» К. Симонова. Законное стремление советского народа видеть на сцене своего театра правдивые, глубокие и яркие картины современности выразил Центральный Комитет нашей партии в своем историческом постановлении «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Над выполнением требований партии с полным сознанием своей ответственности упорно трудится сейчас коллектив Художественного театра.

Великая социалистическая революция не только спасла Художественный театр от гибели, но и создала условия для невиданного его расцвета. Художественный театр—детище социалистической культуры, наша слава, наша гордость.

МХАТ давно уже стал явлением мирового масштаба. Заграничные гастроли в 1922—1924 гг., а затем поездка театра на всемирную выставку в Париже в 1937 году окончательно утвердили его всемирную славу. Честные зарубежные художники единогласно признают советский театр лучшим театром мира. Все, что есть в современном западном театре передового и прогрессивного, развивается под влиянием театральных идей Станиславского и Немировича-Данченко.

Имени Горького

Присвоение Художественному театру имени великого пролетарского писателя было актом, знаменательным во многих отношениях. Это было для театра одновременно и признанием и программой.

Это было, прежде всего, признанием неразрывной органической связи лучшего русского театра с русской литературой. Это было признанием исторической роли Художественного театра в рождении драматургии Горького. Это было признанием того, что общественно-политическая линия в МХАТ, главным начинателем и создателем которой был Горький, стала ведущей, определяющей линией советского Художественного театра.

Это было для театра программой, ибо не только почетно, но и ответственно носить имя основоположника социалистического реализма, первооткрывателя новой эпохи в истории мирового искусства.

Театр ответил созданием целой серии новых горьковских спектаклей — «В людях», «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие», «Враги». Эти спектакли, особенно последний, явились подлинным торжеством горьковских идей и горьковского творческого метода на сцене МХАТ.

Но не только пьесы Горького сумел прочитать театр по-горьковски. По-горьковски были заново прочитаны и Чехов, и Толстой, и Грибоедов, и Островский: идейная ясность, четкость социальной характеристики, политическая страстность—вот черты, которыми отмечены новые работы театра над классикой. К «горьковскому» стремится театр и в своей работе над современной драматургией. Создание советской классики — вот задача, которая подстать такому могучему театру, как Художественный. Имя Горького обязывает его к этому.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Литературный суррогат

Недавно я узнал потрясающую новость. Подполковник Середа, испытывая обыкновенный самолет По-2, выполнил на нем «бочки», «иммельманы» и другие фигуры высшего пилотажа. Эту «новость» сообщает читателям Б. Колоколов в своей повести «На лесных аэродромах», опубликованной в восьмом номере журнала «Знамя». За десять лет своей летной работы мне впервые довелось услышать подобное. К высшему пилотажу самолет По-2 совершенно не приспособлен. Заставить его крутить «бочки» мог разве только человек, неумеренно хвастливый или элементарно невежественный в вопросах авиации.

Б. Колоколов, беззастенчиво оперируя набором специальных выражений, пытается описать боевую жизнь летчиков. Вот пример: повествуя о воздушном бое самолета ЛаГГ с «Мессершмиттом», Колоколов пишет: «В эту минуту ЛаГГ сделал полтора витка штопора, непоправимые, страшные полтора витка. Он хотел увернуться от новой трассы, заложил слишком резко вираж, и сила инерции бросила машину в штопор». А несколькими строчками выше автор сообщает, что летчику «сильно мешала низкая облачность». Полтора витка штопора на самолете ЛаГГ требовали минимально 1000—1100 метров высоты, так что при низкой облачности их сделать никак нельзя было. И уже совершенно непонятно, о какой силе инерции толкует автор: каждому авиамоделисту известно, что в штопор самолет попадает не под действием силы инерции, а из-за так называемой авторотации крыла. Б. Колоколов изумляет нас и другим сообщением: оказывается, самолет По-2 имеет два руля поворота — левый и правый. Герои повести запросто пользуются форсажем мотора при взлете, хотя известно, что на самолете По-2 форсаж не предусмотрен конструкцией мотора. Как говорится, «слышал звон, да не знает, где он».

Много еще подобных небылиц можно встретить в повести. Невольно приходит мысль, что автор, кроме штабной землянки и бани, которые, надо отдать справедливость, описаны весьма правдоподобно, ничего на аэродроме не видел, и поэтому его произведение не соответствует жизненной правде.

Командир части, подполковник Середа, показан автором, как безответственный офицер. Весь его полк летает на неисправных самолетах, у которых «...все чаще стали заедать, отказывать механизмы управления». Автору, берущемуся за авиационную тему, следовало бы знать, что заедание рулей — явление недопустимое, чрезвычайно редкое, как правило, приводящее к катастрофе. Только трагическое происшествие с Цветковым (один из героев повести) заставляет подполковника Середу поставить самолеты на ремонт, хотя о «заеданиях» он знал раньше и, если верить автору, умел даже обнаруживать их, наблюдая с земли за пролетающими самолетами (это уж совсем «развесистая клюква»).

Воспитатель Середа тоже плохой. Ничем нельзя об'яснить его решение допустить к выполнению ответственного задания летчика, проявившего трусость. Чтобы поднять боевой дух летчика Баешко, подполковник дает ему приказ сделать два круга над аэродромом, после чего тот сразу же улетает на выполнение задания. Чушь какая-то, а не воспитание!

Фальшиво нарисован не только образ офицера Середы, но и его подчиненных. Летчик в повести не умеет провести самолет по заданному маршруту без помощи штурмана. Может ли это быть в жизни? Такого летчика просто не станут держать в части.

Нет надобности продолжать примеры; приведенных достаточно, чтобы убедиться, что автор, вместо правильного изображения боевой жизни летчиков в Великой Отечественной войне, дал пародию на живых людей.

Не считая себя достаточно компетентным в вопросах стилистики, я все же позволю заметить, что такие языковые перлы, как: «держательная поверхность», «летели без высоты», «пули, как цепи, держат машину в воздухе» и т. п., отнюдь не украшают повествования.

Авиационная тема — нужная и важная, до сих пор она недостаточно отражена в литературе, однако это не дает права редакции журнала «Знамя» печатать вместо настоящего литературного произведения скверный суррогат.

Герой Советского Союза гвардии капитан Д. ЗЮЗИН

***

Редакция получила также письмо от майора Е. Дырина, в котором говорится о том, что «Знамя» допустило серьезную ошибку, опубликовав повесть Б. Колоколова «На лесных аэродромах».

«Б. Колоколов, в погоне за «оригинальными» ситуациями, не замечает того, что командир полка и летчики выступают у него в далеко не выгодном свете, — пишет Е. Дырин.—Рефлексия и малодушие, вечные ожидания того, что летчик не выполнит задания или погибнет, отличают этого командира. В своей повести автор оправдывает трусость и суеверие,—продолжает Дырин. — Нельзя без раздражения и стыда читать о том, как летчики старательно обходят место гибели товарища. Мы не верим, что Б. Колоколов встречал таких летчиков среди бойцов нашего Воздушного Флота».

Странные порядки в Военном издательстве

Уважаемый товарищ редактор!

На-днях мне попалась небольшая брошюра, выпущенная Воениздатом в серии «Герои Великой Отечественной войны». На обложке этой книжечки помещен мой портрет, и озаглавлена она «Герой Советского Союза П. А. Пилютов». Я заинтересовался тем, что обо мне пишут.

Очень скоро меня охватило удивление и возмущение. В книжке я прочел вещи, совершенно мне не известные, искажающие действительность.

Я знал, что мой сослуживец майор А. Буров пишет для Воениздата брошюру обо мне. Перед тем, как отослать ее, автор, для того, чтобы проверить все факты и даты, познакомил меня со своей рукописью. В ней все было верно, все соответствовало действительности.

Теперь же передо мной лежит брошюра, недавно отпечатанная в Москве, и в ней все поставлено с ног на голову, ряд фактов перевран, введены новые «факты», о которых мне ничего не известно.

В книжке, например, сказано, что якобы я еще мальчиком, окончив сельскую школу, рисовал себе планы, как бы перестроить всю Белоруссию—в лесах прорубить дороги, болота осушить, а маленькие, затянутые илом реки сделать судоходными...

Откуда редактор книжки А. В. Богина взяла это? Я действительно родился в Белоруссии, но вырос на Урале.

В книжку вписан совершенно неправдоподобный случай о том, что, уже находясь в армии, я, будто бы, приезжал в свое село и давал там советы. Откуда редактор книжки взял, что, приехав на побывку в свое село, я «вызвался вести и ремонтировать трактор и сделал это с умением, сказав скромно: «Красная Армия ведь вся на тракторах». Никогда не приезжал я из армии в белорусскую деревню и, естественно, никаких тракторов там (да и нигде) не водил и не ремонтировал.

В книжке я почему-то назван «сезонником», хотя был я кадровым рабочим завода. Великую Отечественную войну я начал командиром эскадрильи, а в книжке сказано, что с весны 1943 года я был заместителем командира эскадрильи. Всю войну от начала и до конца я пробыл на Ленинградском фронте, а в книжке сказано: «Белоруссия его родная была в огне, и, пролетая над ее лесами, Пилютов с гневом и скорбью наблюдал зарево пожаров...» Не летал я «над лесами Белоруссии»!

Искажено описание моего ранения, переврана и дата. Будучи раненным, я отошел шагов 60 от места посадки и потерял силы. Здесь я был подобран проезжавшим колхозником. А редактор, видимо, считая, что этак получается слишком буднично, решил «подбавить» снежную пустыню, кровавые следы и прочие «страсти». Это, положив меня на операционный стол, редактор книжки заставил меня улыбаться. Так и сказано: «Летчик лежал на операционном столе и улыбался...»

Трудно представить себе, как можно улыбаться на операционном столе, когда из твоего тела вынимают свыше двадцати осколков.

Дальше сказано, что весной 1943 года, после выхода из госпиталя, я замещал командира эскадрильи. Но ведь я был ранен 17 декабря 1941 года, а в феврале 1942 года снова летал. Зачем же Воениздату потребовалось «держать» меня год в госпитале?! Не понимаю, к чему им потребовалось в этой же фразе «снизить» меня с заместителя командира полка в заместители командира эскадрильи? Дело, конечно, не в самолюбии, а в точности.

Для того чтобы «конкретизировать» мою работу как депутата Верховного Совета СССР, редактор книжки вписал такую фразу: «Он часто посещает своих избирателей в Сланцевском районе». Признаюсь откровенно,—ни разу в жизни не был в Сланцах. Пролетать над ними — пролетал, а быть—не был. Да и чего мне туда ездить к «своим» избирателям, когда мои избиратели находятся в другом месте, в противоположной стороне. А в Кингисеппском избирательном округе, куда входит Сланцевский район, депутатом Верховного Совета СССР был избран председатель колхоза тов. Пименов.

В заключение хочу сказать, что приведенное выше не исчерпывает всех отступлений от истины, допущенных издательством в книжке. И книжка-то маленькая, всего 20 страниц, а вранья огромный короб.

Спрашивается: зачем потребовалось издательству без ведома автора дополнять книжку всякими небылицами, от которых краснеют и автор майор А. Буров и я?

Депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза гвардии полковник П. ПИЛЮТОВ

***

ОТ РЕДАКЦИИ. Виновником грубых искажений в книге о жизни Героя Советского Союза П. Пилютова в первую очередь является член Союза советских писателей Б. А. Вадецкий, которому доверчивое издательство поручило «литературно обработать» рукопись майора А. Бурова. Перу Б. А. Вадецкого и принадлежат все те вымыслы и домыслы, все те «литературные красоты», о которых пишет тов. Пилютов и которые превратили нужную и полезную книгу в недопустимый литературный брак.

За допущенный брак несет ответственность также и редактор книги А. В. Богина.

Наконец, виновато и руководство Военного издательства, допустившее такую систему, при которой оказался возможным выход в свет книги непроверенной, не согласованной с автором.

Из зала Генеральной Ассамблеи

Маневры американских атомщиков

Первым вопросом в политическом комитете Генеральной Ассамблеи обсуждается проблема атомной энергии.

Как известно, в соответствии с решениями Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 года, была создана комиссия для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии, и других связанных с этим вопросов. Главной задачей этой комиссии была подготовка мероприятий по исключению из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, предназначенных для массового уничтожения. Комиссия по атомной энергии работала тридцать месяцев, провела многочисленные заседания, но не пришла к согласованным решениям.

Основная тенденция американских представителей, выраженная в так называемом плане Баруха, заключалась в том, что главное внимание обращалось на установление контроля над производством атомной энергии. Причем этот контроль мыслился по стадиям, а первой стадией устанавливалась добыча атомного сырья. Этот контроль основывался на грубом вмешательстве международного (читай—проамериканского) контрольного органа во внутренние дела и в экономическую жизнь любой страны. Смысл американского плана в том, чтобы обеспечить американским монополистам и милитаристским кругам возможность блокировать всякое развитие атомной науки в других странах и сохранить как можно дольше свое превосходство в производстве атомного оружия, предназначенного для осуществления агрессивных, преступных замыслов.

Прямым и неопровержимым доказательством коварной агрессивной политики американских реакционных кругов в атомном вопросе является их отказ от запрещения атомного оружия и из'ятия его из национальных вооружений. Всякий раз, когда советские представители в атомной комиссии приперли к стене американских атомщиков, они меняли пластинку и начинали твердить о пресловутом баруховском контроле по стадиям, увиливая от главного—от запрещения атомного оружия, без чего беспредметным становится сам контроль.

Эту порочную линию американская дипломатия продолжает и на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи.

Последние три дня прений в политическом комитете свидетельствуют о том, что американская дипломатия хочет продемонстрировать формальное одобрение ее атомной политики так называемым большинством Ассамблеи. К этому сводилась и прежняя тактика, когда, загнав в тупик атомную комиссию, представители США отказались искать действительных путей разрешения проблемы атомной энергии в интересах мира и безопасности, а настояли на передаче трех докладов комиссии на обсуждение Генеральной Ассамблеи.

Первым оратором был выпущен в прошлую пятницу представитель «нейтральной» Канады генерал Макнотон. Нисколько не стесняясь, канадский генерал назвал еретическими внесенные в свое время представителями СССР предложения о немедленном запрещении атомной бомбы и об уничтожении всех существующих запасов оружия в течение трех месяцев со дня заключения соответствующей конвенции. Вслед за тем Макнотон внес проект резолюции, в которой воспроизводятся клеветнические утверждения американских атомщиков о позиции СССР и предлагается одобрить американский план, который изложен в докладах атомной комиссии и призван служить ширмой для новой гонки атомного вооружения.

Канадскую резолюцию немедленно поддержал американский делегат Остин, а за ним устремились, как по команде, бельгиец Роллен, француз Рамадье и англичанин Макнейл. Эта «тройка», взнузданная небезызвестным седоком в цилиндре, отгарцовала по заранее утвержденной программе.

Назвавший себя «юным социалистом» Макнейл и бывалый социалист Рамадье сказали то, что было угодно американскому республиканцу Даллесу. Шумная и пустая речь Рамадье послужила об'ектом для карикатур во французских газетах. «Юманите» изобразила его в костюме Тартарена из Тараскона, с которым остроумно сравнил французского оратора А. Я. Вышинский. Юное лейбористское дарование—Гектор Макнейл попытался жульнически извратить решение Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 года, будто бы предусматривавшее, по его словам, тот пресловутый контроль по стадиям, который не без умысла стремятся протащить американские атомщики.

Маневры американских атомщиков разоблачил в своих выступлениях 1 и 2 октября глава советской делегации А. Я. Вышинский. Он четко и ясно изложил позицию СССР в атомном вопросе. Прежде и раньше всего нужно во всеуслышание запретить использование атомного оружия, как оружия агрессии и массового уничтожения людей. «...Без запрещения атомного оружия, — сказал А. Я. Вышинский, — всякие разговоры о контроле над использованием атомной энергии были бы лишь средством обмана народов, рассчитанного на то, чтобы служить дымовой завесой, за которой скрывается от глаз народов гонка атомного вооружения». Что касается контроля, то такой контроль безусловно необходим, «строгий международный контроль», о котором сказал Генералиссимус И. В. Сталин в беседе с корреспондентом агентства Юнайтед Пресс Хью Бейли еще в 1946 году. Советские представители в атомной комиссии также отстаивали необходимость такого контроля над атомной энергией, но они никогда не отрывали его от главного — от необходимости запрещения атомного оружия.

Осудив, как неприемлемую, канадскую резолюцию, поддерживаемую проамериканским большинством, советская делегация внесла свой проект резолюции по докладам атомной комиссии. Советский проект предусматривает продолжение деятельности атомной комиссии на основе тех решений, которые уже вынесены Генеральной Ассамблеей в 1946 году. В соответствии с этим Совет Безопасности и атомная комиссия должны подготовить проекты конвенций о запрещении атомного оружия и конвенции об установлении эффективного международного контроля над атомной энергией. Эти конвенции должны быть подписаны и введены в действие одновременно.

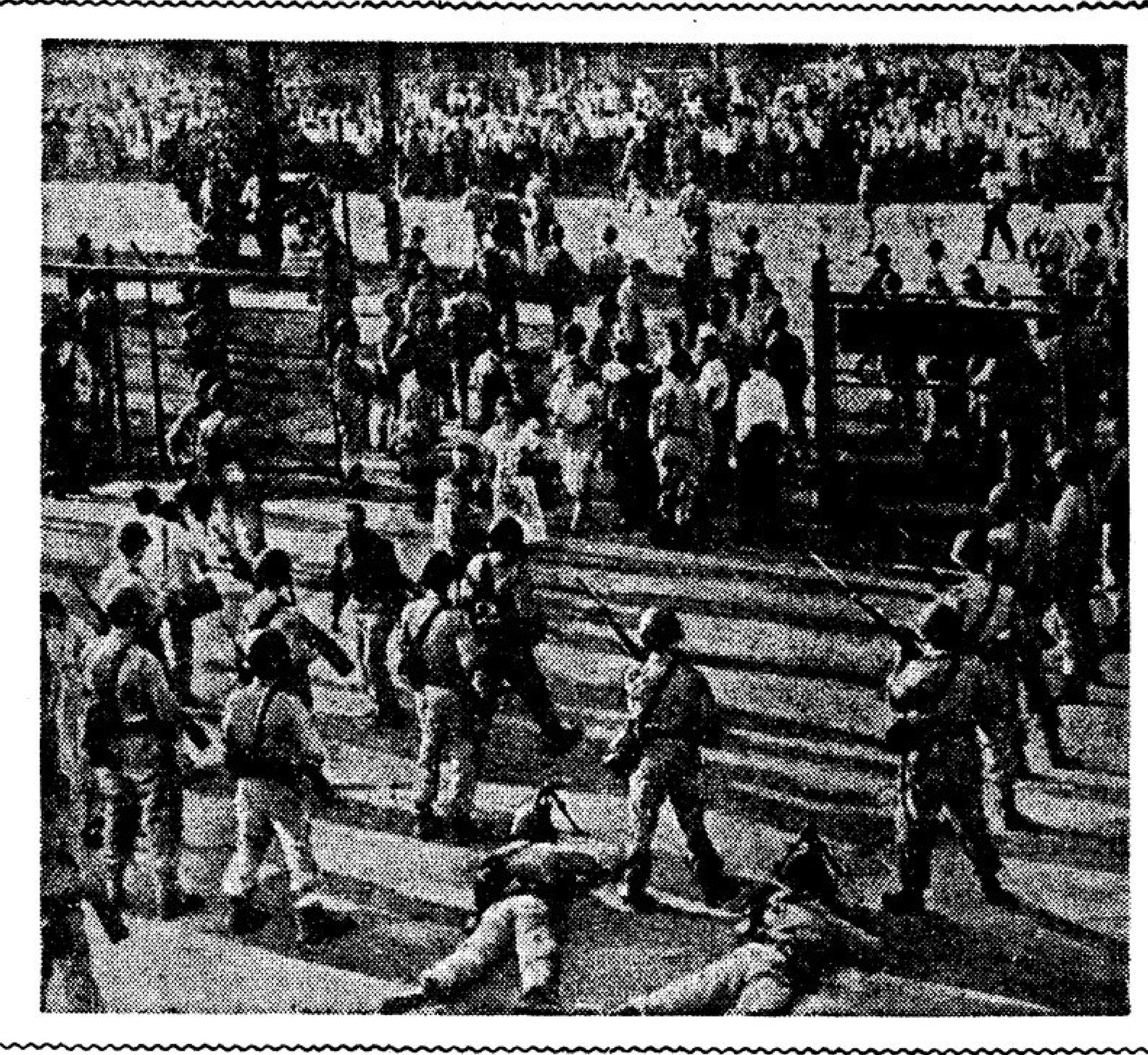
Советские предложения наносят новый удар по американской атомной дипломатии и той жульнической пропаганде, которая пытается изобразить СССР в виде противника международного контроля.

Прения в политическом комитете подходят к концу. Выступившие сегодня представители Канады, Филиппин, Сальвадора и Австралии в своих речах назойливо пытались навязать американскую точку зрения. Советская делегация настаивает на необходимости дальнейшего сотрудничества для разрешения атомной проблемы в миролюбивых целях. Можно предсказать, что и на этот раз послушная машина голосования проштемпелюет ту резолюцию, которая будет ей подложена.

Но механическими голосами нельзя заменить аргументы. Моральная победа будет на стороне советской делегации и всех тех, кому дорого дело мира и международного сотрудничества.

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 5 октября. (По телеграфу).

Американский «демократический» образ жизни

Херстовская газета «Дейли миррор» 4 августа этого года выступила с очередной статьей, восхваляющей пресловутые американские свободы. Особенное внимание херстовские писаки уделили молодому поколению. Они потребовали, чтобы юных американцев учили «американизму» и «демократическому образу жизни».

Но здесь же, на соседней странице, газета, сама того не подозревая, дала уничтожающую документальную характеристику «американизма». Серия фотоснимков, один из которых мы сегодня публикуем, рассказывает о зверском подавлении забастовки на оптическом заводе «Юнивис ленс компани». Полуторатысячный отряд национальной гвардии со штыками наперевес и пулеметами идет в атаку на рабочих, повинных только в том, что они не хотят голодать. Трудно подобрать более убедительное доказательство «преимуществ» американского образа жизни, чем эти фотоснимки, пахнущие кровью простых людей Америки!

Борцы не сложили оружия

Ф. КЕЛЬИН

Над франкистской «Голубой империей» нависла глухая, беспросветная ночь, ночь кровавых преступлений и смерти. Но вольнолюбивый испанский народ победить нельзя. «Испания не умерла!» — назвал свою новую поэму талантливый поэт Антонио Апарисио, год назад брошенный в тюрьму чилийским тираном Гонсалесом Виделой и лишь недавно вышедший на свободу. Безрадостную картину рисует Апарисио в начале поэмы:

В Испании, как только ночь
На землю ляжет, убивают
Кого-нибудь в тюрьме, и стоны
Несутся к звездам...
А меж тем палач
Спокойно спит... Кругом видны распятья,
Клубится ладан, ярок блеск свечей...
Убийца спит спокойно: он уверен —
Ему помогут. Папа шлет из Рима
Ему благословенье: «Убивай,
Мой верный сын, кровавый каудильо»...
Из Вашингтона человек, с лицом
Холодным, как револьвер, позабытый
На месте преступленья, подтверждает:
«Да, убивай, ты можешь убивать,
Кровавый каудильо»...
Вашингтон
Тебе заплатит. Папа даст свое
Благословенье... Благородной кровью,
Испанской кровью вся напоена
Теперь земля. Стал черным камень...
Годы,
Века веков вам не удастся смыть,
Стереть следы ужасных преступлений...

Поэт оплакивает бесчисленные жертвы испанского народа. Он вспоминает своего отца, «простого и доброго человека», умершего во франкистском застенке, вспоминает Агустина Сороа и других героев испанского Сопротивления, замученных палачами Франко. Но в поэме Апарисио нет отчаяния.

В одной из глав поэмы Апарисио прославляет подвиги испанских партизан. «Сердцем с вами я в горах, на холмах,— говорит поэт, — я чую бурю. Вот она уже близка. Вижу ваши я костры. Красным знаменем они вознеслись к небу...»

Таков лейтмотив не только новой поэмы Апарисио, но всей передовой испанской литературы наших дней. Об этом очень убедительно свидетельствует и цикл романов-репортажей о войне (1936—1939 годы) крупного прозаика народной Испании Мануэля Д. Бенавидеса, скончавшегося в 1947 году в Мексике, и партизанская повесть Хосе Эррера Петере, и статьи, пьесы, рассказы и стихи Сесара М. Арконады, и драмы Макса Ауба и Хосе Бергамина, и роман «Против ветра и прилива» Марии Тересы Леон, и поэмы Педро Гарфиаса, Рафаэля Альберти, Артуро Серрано Пляхи, Лоренсо Варелы и других. Никаких компромиссов, борьба до победного конца! — вот основная мысль всех этих произведений.

Писатели борются вместе со своим героическим народом против мадридского тирана. Это приводит в ярость «каудильо» и его иностранных хозяев. Они всячески пытаются убить в испанском народе и в писателях республиканской Испании веру в целесообразность дальнейшей борьбы. Продажные писаки всех мастей по приказу Уолл-стрита и Сити дружно клевещут на испанскую освободительную войну, рисуя ее как «хаос». С особенным усердием они чернят и порочат образ испанца-героя, извращая смысл его революционного подвига. Но на подлое бормотанье присяжного клеветника лондонского радио — Сальвадора де Мадариаги, на беспринципность и лицемерие престарелого циника Хасинто Бенавенте, который в своей последней комедии «Отречение» выступил в качестве защитника позорнейшего соглашательства, передовая испанская литература отвечает пламенным призывом к сопротивлению. Ее героями в наши дни стали борцы за свободу и счастье испанского народа — Кристино Гарсия, Мануэль Понте, Агустин Сороа...

Новый положительный герой испанской литературы, рожденный политической действительностью наших дней, смело идет на смерть во имя великой идеи, твердо верит в грядущую победу. Гибель героя рождает в писателе не бесплодные слезы, а активный, действенный протест. В поэме «Агустин Сороа» Хосе Эррера Петере призывает испанский народ не плакать, не отчаиваться, но отомстить за пролитую кровь лучших сынов Испании.

Герои народной Испании знают, что они не одиноки, что взоры миллионов честных людей во всем мире обращены к ним с глубокой симпатией, и это придает им новые силы. Они помнят вещие слова товарища Сталина: «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества». Сознание братской дружбы с советскими народами и любовь к великому вождю трудящихся всего мира находят яркое выражение в испанской литературе. Один из лучших поэтов борющейся Испании Педро Гарфиас так заканчивает свою поэму «Сталин»:

...В тебе одном
Для нас, кто жить не может без свободы,
Грядущей справедливости залог!

С испанцем Педро Гарфиасом перекликается чилиец Пабло Неруда, величайший поэт народов, говорящих на испанском языке. Его новая большая поэма «Пусть проснется лесоруб» снабжена характерным примечанием: «Написана в одной из местностей Америки в мае 1948 года». Иными словами, Неруда написал ее в подполье, где он скрывается сейчас от преследований чилийского диктатора Виделы.

«Пусть проснется лесоруб» — поэтический манифест, написанный с великолепным литературным мастерством, полный гражданского пафоса. В качестве «сына Америки» Неруда призывает народ США (символом его в поэме является солдат) не поддаваться на провокации поджигателей войны. Его гневный стих разит Маршалла, Ванденберга, Херста, Гонсалеса Виделу, Дутра. Он доказывает, какие неисчислимые бедствия принесет человечеству новая война, в которой заинтересованы только империалисты.

В третьей части поэмы Неруда мысленно переносится на Урал. Он рисует светлую картину мирного строительства в Советском Союзе. Он видит и возрождающийся из руин великий город, которому он навсегда отдал свое сердце,—Сталинград.

Поэт видит «комнаты в старом Кремле. В них живет человек, чье имя Иосиф Сталин. Поздно гаснет свет в его комнате. Он неусыпно заботится о счастье своей родины, о счастье всего человечества».

Поэма Пабло Неруды уже вошла в золотой фонд литературы испанского Сопротивления. Это знаменательный факт. Он свидетельствует о том, что литература борющейся Испании вступила в новый и весьма важный этап своей истории. Теперь это уже не только литература сопротивления **испанского народа,** но и всех **народов Латинской Америки,** ведущих борьбу против фашистской реакции.

В Союзе советских писателей СССР

Жанр литературного портрета

Комиссия по теории литературы и критике ССП обсудила монографические очерки о творчестве советских писателей, напечатанные в толстых журналах в 1947—1948 гг.

Статьи подобного рода — литературные портреты — должны дать читателю яркое представление об идейном облике писателя, раскрыть своеобразие его дарования, нарисовать его творческий путь. Серия таких статей позволит накопить материалы для создания истории советской литературы, до сих пор еще не написанной.

Однако опубликованные литературные портреты еще не удовлетворяют требованиям, пред'являемым к этому жанру.

Докладчик Л. Скорино говорила о серьезных недостатках статей С. Васильева о В. Лебедеве-Кумаче («Октябрь» № 1, 1947 г.), Н. Павлович о М. Исаковском («Октябрь» № 2, 1947 г.), Г. Колесниковой о В. Бахметьеве («Октябрь» № 3, 1947 г.). По мнению докладчика, статьи поверхностны, в них не раскрыта творческая эволюция художника. Глубокая партийная характеристика идейного облика писателя подменена эмпирическим описанием отдельных сторон его творчества.

Более развернутые очерки К. Зелинского об А. Фадееве («Новый мир» № 2, 1947 г.), Б. Брайниной о Федине («Новый мир» № 10, 1947 г.) интересны обилием фактического материала, часто совершенно нового, подробным и последовательным анализом творческой эволюции писателя. Однако и в этих статьях есть существенный недостаток: в них не показано, как в борьбе с враждебными влияниями и течениями развивалось и крепло творчество советских писателей. К. Зелинский только скороговоркой упомянул об ошибках романа «Молодая гвардия» в части, изображающей большевиков.

Положительно оценила Л. Скорино литературный портрет «А. М. Горький» И. Сергиевского («Октябрь» № 3, 1948 г.), живо воссоздающий творческий облик Горького—художника, публициста и общественного деятеля.

З. Кедрина подвергла резкой критике некоторые литературные портреты, написанные в юбилейном духе и представляющие собой, по выражению докладчика, нечто среднее между некрологом и панегириком. Творческий путь писателя здесь всячески выпрямляется и нивелируется, ошибки и художественные недостатки сглаживаются или попросту опускаются. Писатель превращается в некий идеал совершенства. Таковы статья И. Гринберга и Е. Добина об А. Прокофьеве («Звезда» № 9, 1947 г.) и уже упоминавшийся очерк С. Васильева о В. Лебедеве-Кумаче.

Даже серьезные литературно-критические статьи не свободны от влияния этих «юбилейных» традиций. Они частично проявились в очерках Б. Брайниной о К. Федине, В. Щербины об А. Фадееве («Звезда» № 7, 1947 г.), К. Зелинского о том же писателе.

В прениях по докладам приняли участие И. Лежнев, К. Зелинский, Л. Бать и Г. Ленобль.

Е. Ковальчик подчеркнула, что монографические очерки должны прежде всего показывать, как плодотворное усвоение принципа партийности способствует идейному и художественному росту советских писателей.

ВЫСТАВКА УКРАИНСКОЙ ГРАФИКИ НА УРАЛЕ

КИЕВ. (Наш корр.). Недавно большая выставка украинской графики направлена на Урал — в город Молотов. В выставке приняли участие лучшие мастера гравюры, офорта, литографии, рисунка, представившие свыше 150 своих работ. Материалы выставки показывают героический труд народа Советской Украины, его знатных людей и украинский пейзаж.

Вторая выставка украинской графики успешно экспонировалась в Алма-Ата, а ныне переведена в Тбилиси.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Албанские записи

4. Песни Селима Хасани

Беседа шла, подали кофе в маленьких нарядных чашечках, дым от сигарет и трубок стоял над головами плотным слоем. Но все как будто собрание ждало чего-то. И я отметил про себя, что товарищ Бекир еще медлит достать припасенную им в эту дорогу бутылку вина.

— Смерть фашизму!

— Свобода народу!

Наклоняясь, как бы от дыма, в незанятый правый угол комнаты прошел невысокий старик, в какой-то ватной телогрейке и солдатской пилотке, пытливо и весело посматривающий в сторону гостя.

Все поднялись поздороваться со старшим в собрании.

— Селим Хасани,—представил его тот, кто до этого времени был старшим.—Партизан, дважды раненый, сейчас ему 68 лет, он сторожит деревенскую кукурузу от диких кабанов, поэтому он опоздал немного.

— Да,—сказал Селим, расправляя усы и поглаживая седую щетину на впалых щеках и сухом подбородке,—я уже довольно стар. Таких стариков было только два в партизанах: я и еще один, он погиб в боях. Старая Берселе лишилась мужа и сына.

— Эту женщину,—добавил от себя переводчик,—вы видели при входе в Братай,—она стояла с другой, помоложе, и курила. Когда сын ее был убит оккупантами, муж сказал: теперь моя очередь воевать. И ушел в отряд.

— Это тот Селим Хасани,—спросил я,—что сложил песню про Лазе Нуро?

— Да, тот, но он сложил не одну песню. Он поэт, и ему принадлежат слова многих песен, что поют в Братай.

Старик сидел, как все, подвернув ноги пятками под себя, и, наклонив голову в заношенной пилотке, с добродушным, снисходительным лукавством вслушивался, что о нем говорили.

Бекир Юсуфови принес из машины бутылку, разлил коньяк по кофейным чашечкам и когда, после обстоятельного тоста, все выпили, Селим откашлялся и посмотрел в сторону гостей.

— Он будет петь.

Он качнулся грудью к сидящим перед ним односельчанам и чуть подкинул вверх подбородком, как бы призывая всех изготовиться к песне, и, покачиваясь, запел.

— Бевин и Цалдарис хотят поделить Албанию... — Я успел записать перевод этой первой строки и увериться, что речь идет именно о Бевине и Цалдарисе, а хор еще тянул ее, повторяя в третий и, может быть, четвертый раз. И тут нужно было смотреть на лица поющих.

— Бевин и Цалдарис хотят поделить Албанию... — Лица при этом последовательно выражали и вопросительное недоумение, недоверие к самому факту подобного намерения и, затем, возмущение, оскорбленность чувства и, наконец, грозный протест.

А лицо Селима тем временем уже выражало некое хитрое торжество: пусть, мол, они собираются поделить Албанию, и следующая строка уже прямо оправдывала это торжество.

— Мы имеем своих друзей — Россию и Сталина... — И хор подхватил эти слова, сразу воодушевляясь их уверенностью, и вместе с уверенностью уже здесь была насмешка над врагом по поводу его просчета. — Что, мол, с'ел? — так можно было бы передать русскими словами смысл этой мимики.

— А во главе у нас стоит партия, — говорилось в заключительной песне, и эта концовка звучала, как слова клятвы, здравицы и воинственного вызова.

Песня сменяла песню, и нового человека в них поражало обязательное наличие непосредственного политически актуального содержания. Я попросил спеть какую-нибудь старинную песню, но и эта песня о турецком иге каким-то образом под конец обернулась к современности. Древняя форма выражения насущных нужд, дум и надежд народа органически служила выражению небывалого, нового политического сознания и была неразрывна с ним.

Товарищи, я буду петь недолго,
Но скажу точка в точку.
Пусть подохнут завидующие нам,
Те, которые были баллистами *.
И все те, кто предает свободу
И дружбу свободных народов,
Как презренные Ранкович и Тито.

Так как проклятие по адресу этих людей прозвучало в начале песни, то последующие строки уже как бы оставляли их в стороне.

Да здравствует Энвер
И все молодые силы,
Все, кто верен ему!
Сталин велик, как мир,
Он — первый в политике.

Песня имела успех, Селим Хасани был сам явно доволен ею и в дополнение к ней заявил на словах:

— Я слишком хорошо понимаю политику Сталина, и теперь меня в политике не собьет ни Трумэн, ни Бевин, никто.

Это было сказано так, как будто в задачу Трумэна или Бевина входило сбить в политике именно его лично, Селима Хасани. Безнадежность подобного намерения подчеркивалась хитрой и как бы сожалеющей об этих политиках улыбкой незыблемого в своих взглядах человека.

Я поднялся было, чтобы выйти подышать, но тут Селим запел снова.

Когда я был молод,
Я был журналистом...

Так именно перевел Фикари начало этой песни, и на лице у него самого было недоумение, почти растерянность.

— Я не знаю, что он хочет сказать: как он мог быть журналистом, — ведь он неграмотный?

Дальше в песне говорилось о том, что Хасани писал статьи в газетах, разоблачал врагов и призывал всех честных людей бороться за свободу и строить новую светлую жизнь.

Не желая, видимо, прямо уличать певца в мистификации, Фикари сказал, что советский гость не совсем понял слова песни. Селим, похоже, только этого и ждал.

— Разве это не правда, что я был бы журналистом при моем понимании политики, будь я только грамотным и помоложе годами?

Я не умею передать словесный ход этого шуточного приема, употребленного Селимом, но там он вызвал веселый смех и характерное причмокивание языком—знак похвалы удачному острому слову.

Поэт сидел, удовлетворенно ухмыляясь и ревниво склонившись ухом в мою сторону, словно наблюдая за точностью русского перевода своих слов.

Нащупав у порога свои ботинки, я вышел в открытые сени, называемые диваном. Из второй двери, выходящей на эту площадку, бил красный, встревоживший меня свет. Я заглянул туда. На полу комнаты дымились крупные красные головни большого костра, вокруг склонялись фигуры мужчин и женщин. На длинном деревянном вертеле, протянув во всю длину передние и задние ножки, жарилась баранья тушка. Я сказал Фикари, вышедшему за мной следом, что если он знал об этой затее, то должен был помешать ей: ведь это не от избытка, я же только что слышал, что в деревне очень мало овец.

— Об этом нечего говорить: мы здесь только гости,—строго сказал Фикари.

Было уже далеко за полночь, когда подали этого барана, выставив на ковре низкий круглый столик. Бекир разлил береженый остаток вина из той же бутылки: досталось, может быть, менее, чем по одному глотку, но провозглашение тоста и поднятие бокалов происходило с большой торжественностью и соблюдением формы.

Селим, закусив со всеми, отсел от стола и начал опять потихоньку раскачиваться. Все перестали есть.

— Он сочиняет новую песню.

Селим, покачиваясь, шевелил губами и посматривал в мою сторону с каким-то особым, обещающим выражением веселого озорства.

— Он сочиняет песню для гостя.

Песня эта показалась мне похожей по началу и характеру исполнения на все другие, а судя по тексту, записанному мной, предполагаю, что в нее вошли строки из каких-либо других песен, но в ней действительно были слова о госте, прибывшем из Москвы в Братай, расспрашивающем о нуждах людей, о жизни. Последующие строки были как бы ответом на вопросы гостя:

У нас новый и свет и новая жизнь.
В наших сердцах мы имеем Энвера.
Энвер пошел к Сталину и сказал:
— Мой народ был рабом фашистской
Черепахи*.

Сказанное впереди уже исчерпывало этот мотив: народ сбросил иноземное иго и строит новую жизнь. Но память суровых, неравных боев не покидает сердце поэта:

О, Албания многострадальная,
Какая ты мужественная,
В бой ты шла безоружной!

Кончив петь, Селим посмотрел на меня выжидательным взглядом, и Фикари, обменявшись с ним несколькими словами, сообщил мне:

— Поскольку он знает уже, что вы тоже поэт, он думает, что вы споете что-нибудь в ответ на его песню. Скажите что-нибудь.

Я сказал, что, к сожалению, не умею слагать стихи так быстро, и Селим с ласковой недоверчивостью покачал головой, полагая, видимо, что я лишь из похвальной вежливости не желаю оспаривать первенство у него, старика.

Ужин кончился, подали воду для мытья рук, и народ стал расходиться. Селим остался после всех, внимательно смотрел, как нам стелили постели, изредка делал какие-то замечания. Мне пояснили, что по старшинству он считает себя обязанным убедиться, что гости хорошо устроены на ночь, и только после этого попрощался с нами.

Когда мы прощались и он взял мою руку обеими своими сухощавыми руками и так держал ее, стоя передо мной и заглядывая снизу вверх мне в лицо, он показался мне много старше, чем прежде. Он, должно быть, порядочно устал, а ему еще нужно было итти на свой пост в поле. Песни отзвучали, праздник его закончился, и новое выражение старческой грусти виделось теперь в его добрых, немного воспаленных глазах. Он держал мою руку и, кивком пригласив Фикари к разговору, спросил меня:

— Ты в Москве вспомнишь меня хоть раз, или только здесь хвалил мои песни?

Это была шутка, он и улыбнулся при этих словах, но это была и просьба, и дружеский укор про запас.

Я указал на мою книжечку, в которой весь вечер записывал, и сказал, что не только буду помнить, но обязательно напишу о нем в газету.

Он усилил пожатие моей руки, встряхнул ее:

— Спасибо. Но ты пиши правду, ничего не придумывай от себя для украшения правды.—И вслед затем глаза его оживились прежней лукавой искоркой, и он с профессиональной доверительностью подмигнул мне, как бы говоря, что мы-то, мол, с тобой отлично знаем, как это иной раз делается...

Затем он одной рукой наклонил легонько мою голову к себе, и мы приложились щекой к щеке слева и справа.

— Прощай. Живи долго.

Утром его уже не было в числе провожавших нас. Выпив по чашке кофе и наотрез отказавшись от завтрака, мы выехали из Братай, чтобы, пользуясь утренней тенью в горах, к раннему полдню попасть в Валону.

См. «Литературную газету» №№ 78 и 79.

* Баллисты — буржуазные националисты, прислужники оккупантов.

* Так называли итальянцев, употреблявших черепах в пищу.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02688.